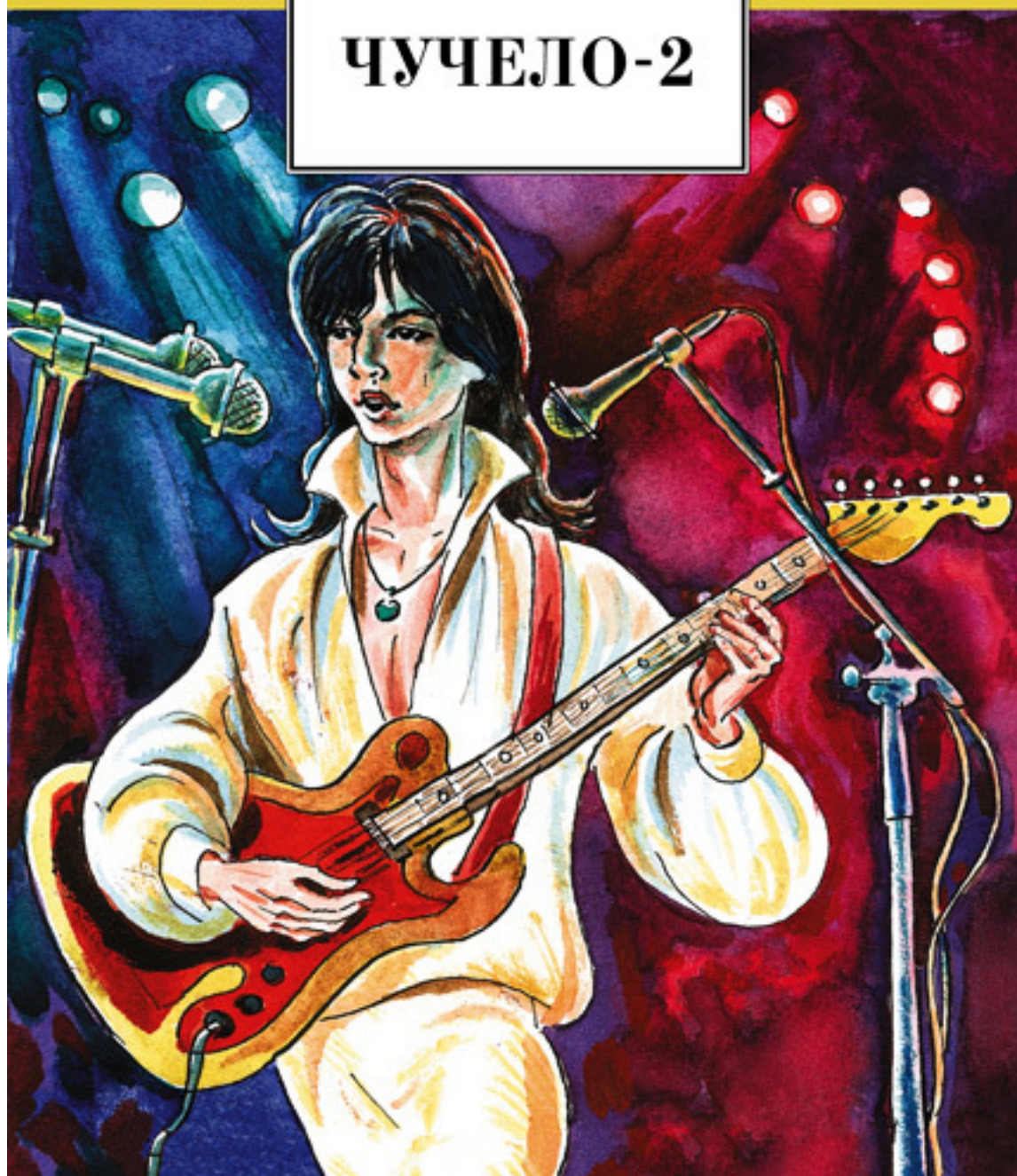

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Владимир Железников

ЧУЧЕЛО-2

Владимир Карпович Железников
Чучело-2, или Игра мотыльков
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6601414
Чучело-2, или игра мотыльков: Детская литература; Москва; 2008
ISBN 978-5-08-004229-4*

Аннотация

Автор повести считает, что в литературе никак нельзя уйти от правды. Он пристально вглядывается в своих героев – в подростков, обнаруживает в них и положительные, и отрицательные черты.

Главная героиня повести, Зойка Смирнова, по своей любви, по самопожертвованию, по смелости схожа с главной героиней предыдущей повести «Чучело», Ленкой Бессольцевой.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Коротко о времени и о себе[1]	6
Чучело-2,	9
Первая часть	10
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Карпович Железников
Чучело-2,
или
игра мотыльков
Повесть

В. Железников

Коротко о времени и о себе¹

Казалось бы, что проще – написать о себе несколько слов? Но стоило мне сесть за стол, чтобы вспомнить собственную жизнь, как передо мной возникла непреодолимая преграда. Я не знал, с чего начать. Первое условие, которое я поставил перед собой, – ничего не сочинять. Чтобы я сразу возник перед вами, как «лист перед травой». Так мне говорила мама, когда я возвращался из школы, где-нибудь задержавшись, и начинал придумывать разные истории, чтобы оправдаться. Мама слушала, слушала меня, а потом говорила: «А ну-ка, хватит врать! Встань передо мной, как лист перед травой, и выкладывай правду, а то противно слушать!» Я почему-то пугался этих слов и тут же во всем сознавался.

Мы жили в тяжелые и страшные времена. Я пошел в школу в 1933 году, от роду восьми лет. Но еще до этого мне пришлось пережить трудную, не детскую историю. В те годы по всей стране, которая называлась Советский Союз, бушевал «красный террор». Карательные органы вели бесконечные аресты «врагов революции». А было их невидимое количество, и все эти «враги» даже не знали до своего ареста, что они враги. И мой дядя Андрей, курсант

Московского военного артиллерийского училища, тоже был арестован. А было ему всего двадцать лет. Его отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала. Парень он был отважный и вольнодумный. Ему удалось бежать из сталинских лагерей, и он приехал к нам, в город Витебск, где в это время служил мой отец.

Мой отец был человеком смелым и благородным, он не мог выдать своего брата и не мог ему сказать: «Знаешь что, Андрей, катись на все четыре стороны! Я тебя не видел и знать не знаю, где ты. У меня семья: жена и маленькие дети, я отвечаю за них». Отец был не такой. Он позвал меня и сестру, все нам рассказал и взял с нас честное слово, что мы никому не проболтаемся. Отец прижал нас к себе (до сих пор помню запах его портупеи и гимнастерки), поцеловал и сказал: «Мы с мамой на вас надеемся». В глазах его стояли слезы.

Сестре моей было легко: она умела хранить тайны, а я был болтун и, конечно, по молодости лет не верил, что с нами может произойти трагедия. Я крепился целые сутки, но на следующий день рассказал обо всем лучшему другу, Юльке Хесину. А он вечером, за ужином, передал об этом своим родителям как величайшую тайну. Когда же через два дня, измученный тем, что проболтался, я пошел все же к Хесиным, то увидел, что в их дом въезжают новые жильцы. От них я узнал, что Хесины уехали в неизвестном направлении.

Я стоял и думал о сбежавших, о дяде Андрее, о своих родителях, о самом себе. Понял, что своим бегством Хесины спасли не только себя, но и нашу семью.

Судьба же дяди Андрея сложилась драматически. Спустя год его снова арестовали. Потом, когда началась война, находясь в сталинском лагере, при первой возможности он записался добровольцем в действующую армию, его зачислили в штрафной батальон, и он оказался на фронте. Провоевал всю войну, вернулся в родной город... и умер совсем молодым, можно сказать, в расцвете сил и неисполненных желаний.

Вторым крупным событием в моей жизни была, конечно, Великая Отечественная война. Она застала нашу семью в литовском городе Мариамполе, в двадцати километрах от Восточной Пруссии.

Утром 22 июня 1941 года началась смертельная битва. Дивизия под командованием моего отца продержалась на границе семьдесят пять часов, отражая натиск фашистов. Ах какие это были солдаты! Я бы сказал – солдатушки, потому что им было всего по двадцать. Молодые, безусые лица и отважные сердца. Они там почти все полегли. Отец мой, когда

¹ Текст статьи печатается по изданию: Железников В. Чучело; Чучело-2, или Игра мотыльков: повести. М.: Астрель: АСТ, 2006. С. 5–12. (Статья печатается в сокращении.)

вспоминал их, всегда плакал, не стеснясь меня. Вообще образ его жизни: любовь к матери, ко всем близким, к чужим людям, которые нуждались в его поддержке, его замечательные рассказы о своем детстве, о родителях и братьях – занимает особое место в моих сочинениях не только по букве, но и по духу. Думаю, без него я не написал бы ни строчки.

В 1945 году я приехал учиться в Москву, представляя собой довольно сумбурную личность. Я был малообразован, чудовищно застенчив и к тому же плохо одет. Я почти никого не знал в громадном городе, не сумел подружиться ни с одним сокурсником и зачем-то с утра до ночи занимался писательством. При этом мне казалось, что я бездарно трачу свое время, что на улице светит солнце, что все веселятся, а я занят какой-то чепухой.

Наконец я написал свою первую повесть и отправил ее почтой в знаменитый журнал «Новый мир», в котором в это время печатались самые известные советские писатели. Через какое-то время получил ответ из журнала. Дрожащими руками вскрыл конверт и прочел, что меня вызывают для беседы в редакцию. Попал к литературному консультанту. Это был мужчина лет под шестьдесят, аккуратно одетый и причесанный. (Я хорошо его запомнил на всю жизнь.) Почти не глядя на меня, он стал делать замечания по моей рукописи. Я сгорал от стыда, что у меня так все бездарно написано, сразу со всем согласился и только ждал, когда он закончит говорить, чтобы задать ему один вопрос, очень важный для меня. Наконец это время пришло, и я спросил у консультанта: «А как вы думаете, я смогу научиться писать?»

Наступила длинная пауза. Консультант поднял на меня глаза, потом ответил: «Конечно... Ведь, в конце концов, и корову можно научить писать». Произнес он это серьезно, без тени улыбки. И я выкатился на улицу, судорожно глотнул воздух, радуясь тому, что все самое трудное позади. Разорвал рукопись и бросил ее в первую же урну. Теперь я был свободен... Но лишь ненадолго. Через короткое время я плотно сидел за письменным столом, пытаюсь написать что-нибудь стоящее.

И тут мне здорово повезло. Я попал на работу в детский журнал «Мурзилка». Сразу оказался в среде талантливых литераторов и художников. Здесь печатались известные писатели, такие, как Паустовский, Пришвин, Маршак, Михалков, Казаков, Нагибин, Пантелеев, написавший знаменитую повесть «Республика ШКИД», Андрей Некрасов, сочинивший «Капитана Врунгеля», и многие, многие другие. А если добавить сюда фамилии художников – Лебедева, Васнецова, Конашевича, Чарушина, Цейтлина... Поистине плеяда блестящих личностей! Они приходили в нашу редакцию, я их видел, разговаривал с ними. И это произвело на меня ошеломляющее впечатление. Прежде всего, я перестал писать, а только присматривался и прислушивался к тому, что происходило вокруг. Это мне, безусловно, принесло большую пользу. Затем мне посчастливилось: я обрел своих первых учителей. Это были художник Владимир Васильевич Лебедев и писатель Виталий Валентинович Бианки.

Владимир Васильевич Лебедев был выдающимся живописцем, который в силу обстоятельств занимался книжной графикой. Он иллюстрировал стихи Маршака, они до сих пор издаются с его рисунками. В далеком 1928 году он участвовал в выставке, и его живописные полотна окрестили «формалистическими». На него начались гонения. Советская власть признавала лишь так называемый социалистический реализм. Художникам других направлений дорога была перекрыта.

Познакомившись с Владимиром Васильевичем, я понял, что такое «свободный художник». Для него не существовало никаких запретов. Он писал то, что ему казалось интересным, проблемным и вызывало в нем творческий восторг. Он научил меня понимать и любить живопись. Мир, в котором я жил, преобразился. Теперь в нем полнокровно присутствовало новое, яркое искусство, которое делало этот мир не линейным, а многогранным.

Виталий Валентинович Бианки, мой второй учитель, был колоритной фигурой. Фамилию он унаследовал от предков, которые были выходцами из Италии. В России до революции он закончил Пажеский корпус, служил при императорском дворе. После революции стал

писателем-натуралистом. Писал блестящие рассказы для детей о животных, о природе. Ему не было равных в этом жанре! А еще он любил открывать талант в других людях, способен был по нескольку раз бескорыстно перепечатывать рассказы молодых только для того, чтобы помочь одаренному человеку.

Когда я вновь стал сочинять, то стал писать только рассказы и повести для детей, мне хотелось писать именно это. К тому же у меня была определенная идейная установка. Все мои герои-дети были хорошие люди, а жизнь им портили взрослые – родители, учителя и прочие. Они часто их не понимали, наказывали, не умели прощать случайные проступки. Это продолжалось довольно долго, пока я не стал приглядываться к своим героям-детям более пристально. И обнаружил в них массу недостатков. Оказалось, что они бывают отъявленными лжецами, людьми, не умеющими держать данное слово, бывают даже предателями. Тут дело приняло совсем другой оборот. Я понял, что в литературе нельзя искусственным образом уйти от правды. И тогда я написал повесть «Чучело».

Завязка этой истории пришла ко мне из жизни. Я так привык к своим героям, что они стали для меня живыми людьми. Я просыпался и сразу попадал в их компанию, они окружали меня, не давая мне передышку ни на минуту. Больше всех, конечно, я полюбил Ленку Бессольцеву, удивительное создание – и по любви, и по смелости, и по самопожертвованию. Вот истинно Божий человек. Именно из-за нее мне захотелось позже написать вторую повесть – «Чучело-2, или Игра мотыльков». Когда вы будете ее читать, то поймете, что главная героиня, Зойка Смирнова, обладает теми же замечательными чертами характера, что и Ленка Бессольцева.

В. Железников

Чучело-2, или игра мотыльков

Галине Алексеевне Арбузовой

Первая часть

1

Город накрыт густым слоем дыма. Его можно резать ножом, как студень. Он лежит серой пленкой на снегу, оседает на окнах, проникает в легкие, всасывается вместе с кровью в мозг. Необъяснимое чувство тревоги и тоски постепенно охватывает каждого, кто попадает сюда впервые.

Но все же люди тут рождаются, живут, хотя и умирают раньше срока.

2

Ну что можно рассказать о Зойкиной любви, то есть о моей? Славная была любовь, с другой стороны – совсем не легкая. Это теперь она мне такой кажется, а тогда я чуть концы не отдала. Меня учили: вырастешь – смеяться над собой будешь, вот дурочка, как мучилась и страдала! И из-за чего?! А я выросла, а не смеюсь.

Глазастая говорила: «Ты не вовремя родилась, тебе бы в девятнадцатый, там умирали от любви, стрелялись на дуэлях – и все это уважали». А я так скажу: все мы родились не вовремя.

Эти мои придурочные записки для ныне живущих компьютерных обормотиков, тем, которым двенадцать или четырнадцать, а может, и вовсе восемь или девять, чтобы они похотели над нами. С тех пор прошло много времени, поэтому иногда мои рассказы начинаются словами: «В ту пору...» – чтобы умные обормотики не перепутали их со своим славным временем.

3

Значит, в ту пору... Стою. Жду. Перед глазами дверь, из которой должен выйти Костя. Я – чокнутая. Это точно. Могу его ждать и час, и два, и десять. Мне бы только знать, что я не зря жду, что увижу его.

А когда увижу – балдею. Улыбаюсь. У меня просветление, когда он передо мной. Лизок, его мамаша, говорит, что я недоделанная, потому что росла без матери. Однажды вечером, когда я была годовалая, мама моя ушла в магазин и не вернулась. Степаныч в мили-

цию, в больницу. Нигде ее не было. Потом объявилась с одним алкашом и исчезла навсегда. Так что я полуброшенная, росла без материнской ласки. Лизок меня наставляет, хочет изменить мою недоделанную натуру. Ей не нравится, что я каждому встречному-поперечному бросаюсь помогать и меня поэтому часто обманывают. «Ну что, – говорит, – у тебя происходит в голове?» А я не знаю, что происходит, ничего не происходит – просто живу.

В пять лет Лизок привела меня на его концерт. Он был в белой рубашке с большим красным бантом на груди и в синих коротких штанах. Волосы в кудряшках. Правая коленка разбита и заклеена пластырем. Стоял впереди хора и пел. Голос высокий-высокий. Меня как молниейшибануло. А когда он кончил петь, Лизок говорит: «Пошли». А я сижу, вцепилась в кресло: а вдруг он еще будет петь?...

Клёво смотреть на Костю, когда он играет. Из сакса вырываются то стон, то плач, то хохот. Сам он краснеет, на лбу и на висках выступают канатики. А я сижу и боюсь пошевелиться, а то он может меня выгнать.

Жду около музыкалки. Каждый раз, когда хлопает дверь училища, вздрагиваю. Ну, думаю, он! А его все нет и нет. Стою, дрожу, зуб на зуб не попадает. Я голодная, не ела со вчерашнего дня. Утром не успела: боялась его прозевать, идти с ним в школу такая радость.

Днем в школе буфет был закрыт, по причине отсутствия продуктов. В ту пору у нас со жратвой было плохо. Нельзя было на ходу, например, купить сосиску. Сосиска была товар дефицитный, из-за него иногда дело доходило до драки. В очереди кричат, бывало: «В одни руки больше полкило не давать!» Обхохочешься, хоть стой, хоть падай.

Все отвалили по домам, чтобы пообедать. Одна я сразу рванула сюда. Ветерок тянет от химзавода. Горьковато-приторный. От него противно во рту. Плюнула. Стало лучше, но потом вздыхаю – и снова во рту горечь.

Подваливают наши: Каланча, Ромашка и Глазастая. Последняя тащится с Джимми. Овчарка. Кого хочешь сожрет в одну минуту. Так обучена. Ее Глазастая натаскала. Она говорит про себя: «Я жесткая, без соплей». И собаку такой сделала.

Мы из одного класса. Раньше жили каждый сам по себе, а теперь мы вместе.

Девчонки уже переоделись в нашу форму. Смотрю на них, любуюсь – форма у нас классная: синие дутики, джинсы, черные шарфики обмотаны вокруг шеи, а длинные концы болтаются до колен, на правой руке позвякивают железные браслеты – Степаныч выточил. На рукаве черная повязка, в центре Костин портрет. Полный отпад. Глазастая хотела, чтобы и Костя надел нашу форму, но он и не подумал. Конечно, между нами большая дистанция: мы обыкновенные, а он певец, суперзвезда, его каждый чувак в городе знает.

Глазастая – сильная личность: губы склеены наглухо, глаза холодные, режут как бритва. На мир смотрит с величайшим презрением. В этом ее сила и власть над всей командой. Мы боимся ее: она может и вмазать. Словом пока уговоришь, а тут сразу трах! – и порядок.

Ромашка – та пожиже. Пухленький хорошунчик. Подходит ко мне, пританцовывая, подпевает с хитрой улыбочкой:

– «Я, Ромашка, нетронутый цве-то-о-ок...» Не окоченела на посту? – Любит посмеяться надо мной, не упустит случая.

В ответ я хотела ее срезать, но не нашлась и говорю:

– Мне что? Мне – ничего.

Ромашка хохочет.

Каланча помалкивает. Она всегда молчит, только не как Глазастая. Она угрюмая. Тоже вроде меня, полуброшенная. У нее прочерк: без папаши явилась на свет. Теперь она навerstывает. Когда мы кого-нибудь бьем, не жалеет и норовит вмазать под дых, да еще ногой. Хвастается – ноги длиннее рук. Раньше она проходила под кличкой Немая. Стеснялась, что каланча, поэтому складывалась пополам. Ходила всегда в старой, заштопанной форме, в старых колготках. Ее мамаша – парикмахер. Ходячий скелет, злющая, орет матерными словами – затюкала Каланчу.

Между прочим, у Кости тоже имеется прозвище. Не какое-нибудь, а стоящее. Его зовут Самурай! Сила, ахнешь-закачаешься! А все получилось случайно. У него волосы длинные, до плеч. На репетиции он заплетает их в косичку, чтобы было удобнее, а кто-то из группы говорит: «Ну ты как самурай». А мы с девчонками сидим в зале, таимся. И у меня вдруг вырывается: «Даешь, Са-му-рай!» Девчонки шипят, ругаются: балда блаженная, нас выгонят!

А Костя ничего, смеется, и нас никто не трогает. Он и вправду похож на японца: смуглолицый, волосы черные, прямые, словно утюгом выглаженные. Тетя Лиза после этого шьет ему белые шаровары и полотняную рубаху, а я «увожу» из школьного буфета, под прикрытием команды, длинный секач, папаша на заводе отбивает его с двух сторон, и выходит короткий меч. Стоящая штучка. И вот Костя выскакивает на концерте в школе в этом костюме,

в белой повязке на лбу и с моим мечом на поясе. Полный отпад! Все воют от восторга. Учителя, как всегда, возмущаются. А он поет: «Мы пришли в этот мир, чтобы танцевать». Песенка клёвая. Она про мальчишку, который танцует весь день, с утра до ночи, учит уроки танцуя, обедает танцуя, в троллейбусе тоже танцует, и все смотрят на него как на оглашенного... Когда он замолкает, все ребята в зале кричат и прыгают, а он выхватывает меч и размахивает им над головой. Школа вопит: «Са-му-рай!» Я тоже воплю вместе со всеми. Никогда не забуду этот счастливый денек. Воплю громче всех, до хрипоты. Никак не могу остановиться. Топаю ногами. Бегу поближе к нему. Кто-то толкается – падаю, вскакиваю, хохочу. Влетаю вместе со всеми на сцену, окружаем его, а он носится в нашем кольце. Меня он не отличает от других. Ну и что?! Зато он сразу для меня из обыкновенного Кости превращается в великого Самурая!.. Ух, я рада! Ну, клёво! Ну, порядок и балдеж!

Тут, между прочим, на моем горизонте объявляется Глазастая. Раньше она со мной ни разу не разговаривала – зачем я ей? Она умная, красивая, самая богатая, шмотки у нее – отпад. Я ее боюсь. Когда пыхчу у доски, наблюдает за мной. Чувствую, презирает – за тупость. А тут говорит:

– Послушай, после школы двинем вместе, если не возражаешь.

Конечно, балдею от неожиданности, пугаюсь, кручу головой, ищу, с кем она разговаривает...

– Да не крутись ты, – говорит, – я к тебе обращаюсь. И улыбочку свою дурацкую смой. Отвыкать пора.

После уроков выхожу, вижу: стоят три птички – Глазастая, Ромашка и Каланча. Неожиданная компания. А мне надо его дожидаться. Теряясь, плетусь к ним, от напряжения краснею, не знаю, что сказать.

– Ну, двинули? – спрашивает Глазастая.

– Надо... подождать, – выдавливаю. – Зотиков забыл ключи от дома. – Показываю ключи. – Теть Лиза велела передать.

– Не волнуйся ты! – говорит Глазастая. – Вместе подождем.

И все начинается! Глазастая придумывает – мы фанатки Самурая. Его команда. Законно! Сначала, правда, случается еще кое-что.

Накануне приходит «классная мымра» – Владилена Мэлоровна.

Это так странно зовут нашу «мымру». Я сначала долго думала, что это за имя. А потом узнала: «Владилена» – это Владимир Ленин, а «Мэлор» – Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция. Обхохочешься. Ну, конечно, она, как всегда, волосок к волоску, губы подмазаны, ногти покрашены, костюмчик отглажен, глазки сияют, длинный розовый нос блестит. Он у нее всегда блестит и торчит на лице, как чужой. Ромашка говорит, из-за этого носа она замуж не может выйти, потому что с таким «рулем» целоваться неудобно: не свернешь же его, как кран, на сторону. Ромашка придумает – обхохочешься! «Мымра» на нас срывает злость, что остается в девах, но всегда с улыбочкой. Растягивает губы, оглядывает всех с прицелом. Сижу тихо, опускаю глаза, знаю ее повадку: выхватит к доске и начнет измываться. Унижает нарочно. «Смирнова, – скажет, – у меня к тебе вопрос». И спрашивает что-нибудь на засыпку. Я, конечно, молчу. Может, я это делаю по-дурацки, глазами вращаю

от ужаса или щеки надуваю, но все хохочут. Вроде я клоун в цирке. Но сейчас она меня не вызывает, а вытаскивает из классного журнала листок, на котором что-то напечатано.

– Тише! – громко говорит. – Слушайте... Читаю решение педсовета. Оно имеет отношение к некоторым... – Снова улыбается.

Потом читает, не торопясь, медленно, четко выговаривает имена кандидатов на отчисление из школы. Ну, в общем, называет тех, кого после восьмого выкидывают, не пропускают в девятый. И я там, и Ромашка, и Каланча. Ну, галдеж подымается обалденный! А на меня ржа нападает – мне начхать, пойду в училище. А Ромашка как бешеная. Что-то кричит «мымре» в лицо, стучит кулаком по парте, губы от злости белеют. Оттаскиваю ее от «мымры».

– Ты заметила, – говорит, – что «мымра» улыбалась, когда читала. Рада, что нас вышибают! Ей приятно. Ну, стерва, она схлопочет. Цирк ей устрою, закачается!

– Да ладно, – говорю, – начхать! Не обращай внимания.

А в классе на первой перемене уже начинается драчка. Те, кто остается, сразу объединяются и тюкают нас. Смеются, тыкают в нас пальцами, один умник подходит ко мне, закатывает глаза, блеет: «Бараны-ы-ы!» Ромашка сшибает этого умника с ног, колотит его по голове, разбивает в кровь нос, кричит: «Я из тебя такого барана сработаю – забудешь свое имя!» Страшно, что она его убьет, волоку ее, она расходится, лепит мне пощечину! Треск! Чуть не падаю, хватаюсь за щеку – больно. Все ждут: думают, брошусь на Ромашку. А я смотрю на ее бешеное лицо, хочу ей ответить, но почему-то раздумываю.

Потом Ромашка берется за «мымру». Организует «цирк». Вытаскивает на уроке яблоко, тоненькой лентой чистит его перочинным ножом. Смотрю на «мымру». Вижу, у той бровки лезут на лоб. Вот-вот грянет скандал. Толкаю Ромашку в бок – не лезь на рожон. Никакого внимания. Улыбается, врубает белые острые зубки в яблоко, показывает, что ей вкусно.

– Что ты делаешь, Вяткина? – как бы ласково спрашивает «мымра», хотя шипение тоже слышно, она всегда готова ужалить.

Останавливается около нас, дрожит от злости.

– Понимаете, Владилена Мэлоровна, у меня режим дня... медицинский. – Смотрит на часы. – Я всегда в это время... – Ромашка снова откусывает, – грызу яблоко.

Кто-то нерешительно хихикает: «мымру» боятся.

– Ты что, мышь? – «Мымра» острит, пытаясь из последних сил спасти положение.

– Нет, крыса! – ухмыляется Ромашка. Ее свекольные щечки белеют от напряжения. И доводит «мымру» до упора: – Могу и укусить.

– Какая все-таки наглость! – «Мымра» звереет, крепко сжимает ладони рук и хрустит пальцами. – Ну-ка вон из класса!

Ромашка лениво встает и выходит, улыбаясь всем и раскланиваясь направо и налево – она же на арене цирка.

Вообще-то я «мымру» не люблю, но сейчас ее жалко: она срывается законно. Улыбаюсь ей, чтобы поддержать.

– А ты что улыбаешься? – вдруг кричит «мымра». – А ну, тоже вон! – Слышу, как она бормочет себе под нос: – Ублюдки!

С тех пор на каждом уроке «мымры» Ромашка вытаскивает яблоко, чистит и съедает. Три раза «мымра» ее выгоняет, на четвертый делает вид, что Ромашки больше не существует.

Теперь Ромашку все уважают: «мымру» одолела.

А Каланча, та совсем сходит с рельсов. Исчезает. Как будто ее нет и никогда не было. Никто про нее не вспоминает. Я почему-то ночью просыпаюсь и вдруг думаю: «Куда пропала Каланча?…» Захожу к ней после школы. Ну дыра! Домишко маленький, кособокий, прячется за большим. С улицы его не видно. Внутри потолки держатся на столбах. Иду между ними, как в лесу среди деревьев. В их комнату путь пролегает через общую кухню. По дороге чуть ногу не ломаю: в полу дырка. Вваливаюсь. Каланча лежит на диване, смотрит телик. Она какая-то другая.

– Ты куда пропала? – говорю. – Болееешь?

– Нет. – Каланча встает, вытаскивает из-под дивана сигарету. Она спрятала ее при моем появлении. Дымит. – А чего мне у вас делать? Я эту вашу школу в гробу видела, я бы ее взорвала, если бы могла. – Смеется. В школе я никогда не видела, чтобы она смеялась. – Я гуляю. В кино хожу. Я «Кинг-Конга» уже пять раз посмотрела.

Теперь я поняла, почему она мне кажется странной: у нее губы под помадой.

– На какие? – говорю, чтобы поймать ее, а то вешает мне лапшу на уши.

Она молча вытаскивает десятку, показывает.

– Где взяла?

– Заработала. – Понимает, что я ей не верю, рассказывает: – В универмаге выносят ковровую дорожку, и сразу выстраивается очередь. А мне делать нечего, я тоже пристраиваюсь. Стою. Треплюсь. Интересно. Каждый про себя что хочешь рассказывает.

– А ты чего? – спрашиваю.

– А я?...

Вижу, Каланча краснеет.

– Ну, чего, чего, Каланча? – пристаю.

– Говорю, что в десятом... Отличница... – Прыскает, давится от хохота. – Первая в классе. Все меня уважают.

На меня тоже нападает. Ржем. Я падаю к ней на диван. Мы скатываемся на пол. Того и гляди, этот трухлявый домишко рухнет. Потихоньку успокаиваемся. Каланча дает мне сигарету. Я не курю, но виду не подаю. Дымим. У меня в горле першит, и я кашляю.

– Слушай, – говорит Каланча, – не порть товар. – Отнимает у меня сигарету, слюнявит пальцы, гасит ее и подсовывает под диван.

– Ну а дальше что было? – спрашиваю.

– Дальше?... Вдруг продавщица кричит: «За дорожками больше не занимать – кончаться!» Тут разные тетki переходят на крик: возмущаются, советскую власть полощут. На меня ржа нападает, как сейчас. А одна такая толстенная как шархнет: «Ты что хохочешь, дуреха, над старым человеком?... Обормотка несчастная!» А я ей: «Что вы, тетенька, можете встать вместо меня, я просто так занимала...» Она стала меня благодарить и пять рублей сует. Беру... На следующий день я четыре очереди на дефицит занимаю и продаю каждую за тройку. Говорю: «Я приезжая. Деньги потеряла, на билет собираю». Ну, они клюют. Доверчи-

вые. Один дяденька меня жалеет, десятку кидает. Потом цепляется ко мне, расспрашивает – кто я да что, сколько мне лет, с кем живу. Я прикидываюсь малолеткой, мол, ничего не секу.

– Ну, ты сила! Ловка, – говорю. – Я бы ни в жизнь не смогла.

– А что?... Подумаешь... – Каланча радуется.

Вам радости Каланчи не понять, вы, обормотики, живете кум королю и не знаете, что мы в ту пору жили в эпоху сплошного дефицита.

4

Вот тогда Глазастая и сколотила под Самурая команду – ее как осенило. Она выбрала Ромашку и Каланчу не случайно, хотела возродить в них дух сопротивления, наперекор всем! Зойку она бы не позвала: считала ее подлизой и подпевалой учителей и отличников. Она смертельно ненавидела их за двойную жизнь – говорят одно, а делают противоположное. А Зойка им всегда поддакивала, всем улыбалась, каждому старалась угодить. Не любила Глазастая таких. Но для осуществления ее идеи Зойка была ей необходима. Она ведь жила с Самураем на одной лестничной площадке, их часто видели вместе.

Команда – это было настоящее дело. Они сразу выбились из массы класса, из его серости и скуки.

Теперь у них был свой мир, своя задача в этом мире. Глазастая чувствовала: они теперь были не как все – у них есть свой идол с таким странным и завораживающим прозвищем – Самурай. Она сказала девочкам: «Самурай – наш идол». Зойка и Каланча не знали, что это такое. Глазастая им объяснила.

Он пел для них и про них, его песни были понятны и близки им – они входили в их сердца. Команда чувствовала себя сильной, счастливой, и, главное, они были не одиноки, были все вместе, вчетвером.

Первое время в школе над ними смеялись: нашли, мол, себе занятие, влюбились в одного, кошки и психопатки. Но это только неожиданно расширило поле их совместной деятельности. Они стали бить тех, кто над ними смеялся, девочек и даже парней, не разбираясь, близкие ли это друзья или далекие знакомые – всех под одну гребенку, кто против них. Налетали дикой сворой и били, чтобы знали наших. «Мы отстаиваем свободу личности, – говорила Глазастая. – Каждый живет как хочет».

И они отстояли.

Правда, вначале, когда команда только создавалась, она чуть сразу не развалилась. Глазастая придумала униформу, и тут обнаружилось, что у Каланчи нет ни джинсов, ни дутика и даже не из чего скроить черную шелковую «удавку» – шарфик. Тогда Ромашка сказала Каланче: «Ну что у тебя за родительница, не может купить фирму. Я бы такой дала отставку».

– А где ей взять? – огрызнулась Каланча и вспыхнула от обиды. Краска стыда залила ей лицо, шею, уши. Она тупо уставилась в пол, боясь прочесть в глазах подружек презрение.

– А чаевые? – не отставала Ромашка. – Скажешь, не берет?

– Взяла бы... Да кто дает, а кто и нет, – с трудом выдавила Каланча, по-прежнему не поднимая глаз.

Они сидели прохлаждались у Ромашки дома. Попивали из бокалов какое-то вино, которое Ромашка увела у родителей, покуривали, жевали резинку.

– Тогда знаешь что, Каланча? – Ромашка покровительственно похлопала Каланчу по спине. – Катись-ка ты, подруга, на все четыре стороны.

– Ты что?! – возмутилась Зойка. – Девчонки, вы что?

– А что нам с нею цацкаться? – уже с вызовом ответила Ромашка. Ее пухленькие, нежные щеки чуть побледнели, а глаза стали злыми и колючими. – Не соответствуешь – отвали!

Каланча и так была скована непривычной обстановкой: отдельной квартирой, красивой мебелью, коврами и чистотой, а тут ее еще выгоняли при всех. «Ну, Ромашка, сволочь, – промелькнуло у нее в голове, – сейчас бы шарахнуть всю эту квартирку, раскрошить в щепу!» Но, конечно, на это ее не хватило – предательские слезы заволокли глаза, и она опрометью бросилась в прихожую.

Глазастая вдруг ожила и крикнула:

– Подожди, Каланча! – Нагнала ее, обняла за плечи, вернула, усадила обратно на диван. – Меня это лично не колышет – есть деньги на фирму или нет. И родители не колышут, ну их к Богу в рай! У них своя жизнь, а у нас своя.

Каланча обмякла под рукой Глазастой, шмыгала носом, старалась сдержать слезы.

– А форма? – не сдавалась Ромашка.

– Я дам Каланче джинсы, – сказала Глазастая. – На кой мне две пары.

– Ой какая добрая! Коммунистка, – паясничала Ромашка. – А мне что ты отстегнешь?

– Тебе, Ромашка, я отстегну... один совет, – нехотя процедила Глазастая. – Не выступай, раз не сечешь. Ладно?... У тебя, я вижу, зимой снега не выпросишь. Увязла в баракле. А меня воротит от этого.

– Чего, чего?... Я увязла? – Ангельское личико Ромашки исказилось злостью. Она отпихнула ногой столик на колесиках, который стоял между нею и Глазастой. – Сама ты... дерьмо!

Ромашка вскочила. Глазастая встала медленно, лениво.

– Девчонки, девчонки! – Зойка втерлась между подругами. – Ну что вы из-за ерунды? Раз джинсы есть, то на дутик можно запросто заработать. И Каланча будет в форме.

– Интересно как? – нервным голосом спросила Ромашка. Ей уже самой расхотелось драться.

– Очень просто... – И Зойка рассказала про Каланчу, о ее «торговле» очередью в универмаге.

– Законно! – обрадовалась Ромашка.

Так и поступили.

5

Теперь они ждали Самурая вместе. Холодно. Мороз и ветер. Но никто не подавал виду. Жаловаться у них не полагалось. Ромашка танцевала на месте. Глазастая достала сигарету, прикурила, прикрывшись бортом куртки. Легкий дымок вился вокруг ее отрешенного лица. Каланча присела на корточки, играла с собакой – гладила ее черно-серую волчью морду, почесывала за ухом. Та лениво распахивала пасть, усаженную желтоватыми коваными клыками.

– Фас, Джимми! – неожиданно резко приказала Глазастая.

Джимми присел на задние лапы, точно приготовился к прыжку, угрожающе зарычал на Каланчу, шерсть у него встала дыбом. Каланча неловко отступила и упала на грязный снег. Она испугалась.

– Ты что, офонарела? – Она повысила голос на Глазастую.

– А то, – ответила Глазастая. – У меня собака сторожевая. Не забывай. Схватит – останешься без носа.

– Каланча без носа! Вот картинка! – захохотала Ромашка. – Ой, колики, ой, рожу!..

Каланча бросилась на Ромашку, чтобы сорвать на ней свою обиду, свистнула нога в воздухе, но та ловко отскочила.

Зойка молча наблюдала за подругами, не забывая следить за дверью училища. Она не любила, когда они ругались. Она чокнутая, у нее злости ни на кого нет, поэтому их неожидан-

ные стычки, грызня, драки ей были неприятны. А они иногда устраивали потасовки нарочно, чтобы подразнить. Потом, когда она их разнимала, хохотали. Кричали: «Ну, чокнутая!.. Всех ей жалко!» Особенно кричала Ромашка и еще Каланча.

Но тут Зойка забыла о своих подругах, краем глаза увидела, что появился Костя Зотиков. Вот радость! Лицо ее осветилось чудным светом. Оно потеряло свой обычно глуповатый вид, вечно блуждающая придурковатая улыбка исчезла, глаза засияли восторгом.

– Вот он! – сказала Зойка. – Самурай!

Он вскинул на плечо саксофон, как охотничье ружье. Весело помахал им рукой. Прошел мимо. Они же плотной группой двинулись следом, стучаясь плечами, засунув руки в безразмерные дутики. Прохожие почему-то их пугались, уступали дорогу, точно подозревали, что у них в карманах, по крайней мере, ножи. А им это нравилось, они пугали встречаемых неожиданными вскриками или толчками, диким хохотом, как бы отсекая всех людей от себя. На самом же деле они мирно беседовали. Ромашка предлагала прошвырнуться в папашину лавку, туда завезли красные свитера, можно было бы купить всей команде. Зойка поддакнула Ромашке, а Каланча уныло призналась, что у нее нет денег.

– Опять двадцать пять!.. – Ромашка выругалась. – Тогда, значит, так... Входим в подсобку, мы все примеряем свитера, продавщица крутится около нас, а ты, Каланча, отходишь в сторону, берешь свитер и запихиваешь под дутик. Поняла?

– Поняла, – неуверенно ответила Каланча.

– А кто же будет за него платить? – спросила Зойка.

– Это не твое дело, – находчиво заметила Ромашка. – Пусть у тебя головка не болит. Заплатят.

Глазастая шла молча. На углу улицы она окликнула Самурая.

Тот остановился.

– Здесь тачка с ключом, – тихо сказала Глазастая.

У тротуара стояла припаркованная «Волга». Двигатель ее мерно постукивал, из выхлопной трубы вылетало белое облачко.

Костя сделал вокруг машины два круга, огляделся: на улице, как назло, никого. А девчонки ждали: решится он или нет?... Ему показалось, что душа отлетела от него, и он увидел себя как бы со стороны, нерешительного, напуганного... Вот это он в себе ненавидел. А тут еще вечно застывшие губы Глазастой скривились в усмешке – догадалась, что он струсил. И Костя решился: вскочил в машину, сбросил саксофон с плеча и швырнул на заднее сиденье. От волнения у него закружилась голова. Рядом с ним тут же оказалась Глазастая с собакой, та оскалила клыки и внимательно смотрела на Костю. Остальные фанатки беззвучно падали друг на друга, у них тоже возникла напряженка.

Взревел мотор, машина рванулась с места. Зойка едва успела поставить ногу внутрь, ее втянули на ходу. Захлопнулись двери, и замелькали улицы – одна, другая, третья. Они летели навстречу домам, машинам, людям. Костя не понимал, куда он ехал, им еще владел страх, мелко и противно дрожали руки.

– Ну ты даешь!.. – похвалила Ромашка Глазастую. – Глаза – фонари!

– Молодец, – процедил Костя и вдруг некстати громко рассмеялся.

Он гнал машину, к нему вернулась отчаянная смелость. Он чувствовал себя удачливым и ловким. Как хорошо лететь вперед, вперед, обгоняя медленно ползущие машины, подсекая их, восторгаясь испугом шоферов; он смеялся, видя их раскрытые беззвучные рты, извергающие ругательства.

В голове у Кости появилась музыка, нежная музыка Моцарта, с неожиданным переходом в мощный тяжелый рок. Он стал отбивать его такты руками на руле, подпевая голосом.

Фанатки тоже расковались, галдели, как птицы, выщелкивая и выплевывая отдельные слова: «Отвал... Денек с приветом... Клёво... Кайфанули...»

На пересечении двух улиц, Свердловки и Красноармейской, Костя увидел стоящего у мотоцикла гаишника. Он почему-то запомнил его лицо – длинное и худое, с тяжелой челюстью, какое-то лошадиное, – и заметил, как тот проводил их машину взглядом. После этого Костя засуетился, свернул в глухой переулок, нажимая на газ, чтобы побыстрее уехать от милиционера. Дорога, петляя, резко шла вниз. Костя слишком разогнал машину, и, когда он на очередном изгибе притормозил, его понесло юзом, закружило, машина не слушалась руля, рыскала, как обозленное тупорылое чудовище.

Девчонки хохотали, визжали, падая друг на друга, еще не понимая, что случилось.

Машина между тем пробила брешь в невысоком сугробе, выскочила на тротуар, сбила прохожих – стариков: мужчину и женщину, идущих рядом. Мужчина был высокий, а женщина маленькая, ее еще больше укорачивала длинная меховая шуба.

Мужчина взлетел вверх, нелепо взмахнул руками и ногами, будто «поплыл» в невесомости, и тяжело рухнул метрах в четырех, а женщина сначала присела, потом откинулась навзничь.

Машина перевернулась еще раз, саданулась о фонарный столб, и в следующую секунду полыхнуло пламенем.

Все произошло в одно мгновение – Костя и фанатки сидели в мертвой тишине. Перед ними лежали неподвижные черные фигуры, разметанные на белом полотне снега.

Костя оглянулся и увидел, что они горят, судорожно толкнул водительскую дверь, но ее перекосило и заклинило от удара. Он несколько раз автоматически, не соображая, ударил плечом в дверь. Лицо его искривилось от нетерпения, он почувствовал себя загнанным в мышеловку, захотелось немедленно выскочить из машины, чтобы спастись. Повернулся к Глазастой, еле слышно, задыхаясь, попросил: «Выходи», – словно боялся, что их услышат, хотя улица была пуста.

Глазастая в мгновение ока вместе с Джимми рванула в открытую дверь, а следом за нею Костя и все остальные девчонки. Саксофон вылетел с ними, плюхнулся на снег, но его никто не заметил и не поднял.

Они свернули в первую подворотню, чтобы побыстрее исчезнуть с этой проклятой улицы. Пролетели узкой аркой, шарахнулись через пустой двор, не глядя вокруг. Овчарка молча вымахивала рядом.

Вдруг Костя резко остановился, как пораженный молнией, – лицо онемело, глаза округлились, рот открылся... Все тоже остановилось, тяжело и шумно дыша.

– Сакс забыл!.. – выдохнул Костя.

– Ну и черт с ним! – крикнула Каланча. – Он же сгорит.

– Заткнись, дура! – Глазастая матерно выругалась. – По саксу нас сразу сцапают.

В это время раздался взрыв машины, он был негромким – все-таки они отбежали на порядочное расстояние, но страх еще сильнее овладел их смятенными душами.

Костя оглядел фанаток, пробежал глазами по испуганным лицам – ему так хотелось, чтобы кто-нибудь из них подменил его и пошел за саксофоном. Зойка сразу это поняла и сказала:

– Костя, я мигом слетаю... Ты не бойся, я слетаю...

Но он ее остановил. Тут надо самому. Он приказал им ждать и не высовываться и побежал обратно, непривычно вытягивая голову в плечи. От этого он сразу стал маленьким и незащищенным. Глазастая посмотрела ему вслед, и легкая тень разочарования мелькнула на ее лице. Но она ничего никому не сказала. А все остальные притихли и затаились, ожидая в сумерках чужого двора возвращения Кости. Им стало холодно, они сбились тесной молчаливой группой.

6

Еще издали Костя увидел обгоревшую машину: краска на ней оползла, стекла вылетели. Вокруг сбитых собрались случайные прохожие. Неизвестно, откуда их намело, ведь только что улица была пуста. «Убили!» – выкрикнул кто-то.

Эти страшные слова застали Костю врасплох. Что-то внутри у него перевернулось, голова стала чужой и тяжелой, сердце заколотилось в горле, ноги дрожали, не хотелось идти вперед, а убежать бы, спрятаться, уехать, исчезнуть навсегда, поменять фамилию, чтобы его никто никогда не нашел. Он остановился, застыл, потом попятился, но инстинкт самосохранения был сильнее страха.

Костя незаметно скользнул за спинами, пронырнул к машине, ее двери с выбитыми стеклами стояли нараспашку, заглянул внутрь... Там еще дымился обгоревший клоками дерматин на сиденьях, но саксофона он не нашел. И тут он обо что-то стукнулся ногой и увидел, к своей радости, лежащий на снегу саксофон. Теперь его надо было, не привлекая внимания, поднять и незаметно уйти. Страх снова обуял Костю. Он согнулся, стал поправлять шнурки на ботинке и незаметно протянул руку к саксофону, взял за ручку футляра и встал.

Он увидел тетку в толстом платке и в цигейковой шубе. Она зыркнула по нему тревожным взглядом. Костя быстро отвел глаза в сторону и, пятась спиной, подался назад, чтобы скрыться. А тетка вдруг бросилась к нему, завопила: «Стой!.. Попался! На помощь!» – и смертельной хваткой вцепилась в него.

Несколько человек откололись от толпы, окружавшей пострадавших, и ринулись к Косте.

– Шофера поймала! – вопила тетка. – Убийцу!

До Кости все доходило с трудом: и вопли тетки, и поведение окружающих. Он свалился под тяжестью двух мужиков, которые сбили его с ног, подмяли, горячо дыша в лицо. Он извивался под ними, стараясь выскользнуть. Потом ему вдруг стало легче, кто-то поставил его на ноги. И прямо на него надвинулась фигура в милицмейском полушубке.

Костя сжался и ждал первых вопросов милиционера, а в голове у него беспрерывно мелькала громадная черная фигура сбитого, тяжело переворачивающаяся в воздухе. Но первые слова милиционера: «Что здесь за самосуд?» – как ни странно, успокоили его. Он разжал кулак тетки, которая все еще держала его крепко за рукав, и твердо произнес:

– Я не шофер.

И хотел добавить, что он вообще сторонний прохожий, увидел обгорелую машину и подошел из любопытства. Никто ведь не заметил, что он поднял саксофон. Боже мой, так легко было это сказать: «Вы что, с ума посходили? Хватаете, избиваете. Я же просто шел мимо!» Но прежде чем это проговорить, он поднял глаза на милиционера, увидел... и окаменел! Перед ним стоял тот самый гаишник, которого он только что видел на углу Свердловской и Красноармейской. Костя не мог оторвать глаз от длинного лошадиного лица милиционера, видел, как его пытливые, сверлящие зрачки ввинчивались в него. «Сейчас узнает!» – ударило как молнией. В горле пересохло, язык прилип к нёбу. «Погиб, погиб!» – мелькало в тумане сознания. Он встал к милиционеру вполоборота, пряча лицо; больше пока ничего не смог придумать.

– И вправду, не похож на шофера, – виновато признался здоровенный мужик. – Пацан... А мы его...

– А что же ты в машину заглядывал? – не сдавалась тетка. – Что там искал?

– Саксофон там забыл, – признался Костя. Только тут вспомнил про свой инструмент, увидел его на снегу у себя под ногами и поднял.

– Чего, чего? – не поняла дотошная тетка.

– Инструмент это музыкальный, – объяснил милиционер и повернулся к Косте: – Ну?

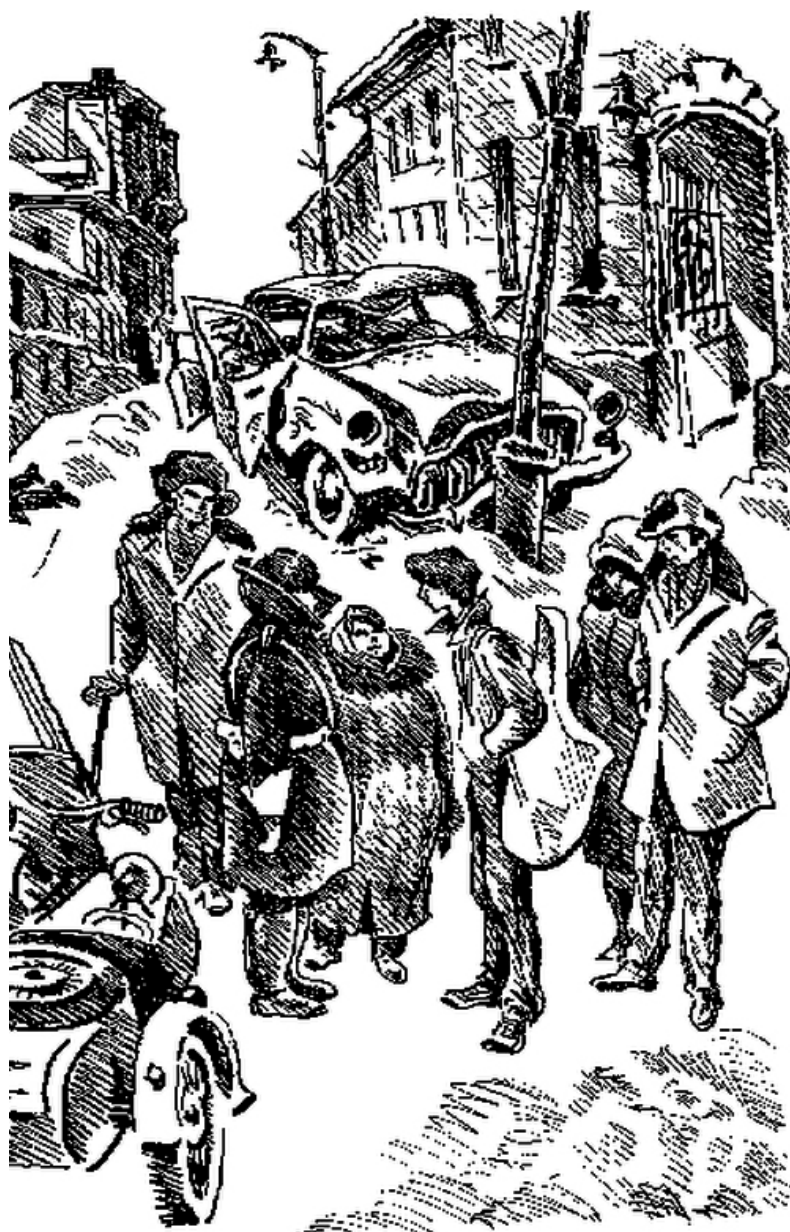
– Он меня за рубль согласился подвезти... Когда случилось... сразу смылся... – Сбиваясь, врал Костя, каждую секунду ожидая, что мент его перебьет. Поэтому говорил медленно, с трудом преодолевая слова. – Испугался... У меня случился нервный шок... Зачем-то побежал куда-то... Не соображал... Потом спохватился – рукам легко, руки пустые. Вспомнил про саксофон. Вернулся.

Милиционер взял под козырек:

– Инспектор ГАИ капитан Куприянов. Ваши документики?

Костя развел руками: мол, «документиков» нет. И услышал, как по толпе, которая окружала его плотным кольцом, прошел шелест слов: «Без документов... Еще неизвестно, что это за тип... Ишь, в мороз без шапки. И музыкант... Знаем мы таких, видели. Посадить его и пропесочить». В ту пору людей в тюрьму сажали легко: сказал не то – и уже в тюрьме.

– Ну а фамилия у тебя есть? – ехидно спросил Куприянов.

Костя понял, что попал в капкан, который вот-вот захлопнется, и конец его жизни, музыке и счастьем, но готов был от страха закричать: «Да, да, это сделал я!» – чтобы сбросить с себя тягостную неопределенность, слова уже были на кончике языка, потом все же овладел собой и тихо ответил: «Зотиков я. Костя». Жесткое подозрительное лицо Куприянова стало вполне милым, губы растянулись в улыбку: «Постой, постой... – Он внимательно всматривался в Костю. – Надо же... Так ты же не иначе как Самурай... А я думаю: на кого ты похож?... Ну дела... Моя Машка с тобой в школе учится, в двадцать седьмой... Все твои песни поет».

Костя ничего не успел ответить Куприянову: около них резко затормозили сразу две «скорые помощи».

Милиционер посуровел и сказал:

– Ну вот что, парень, вали отсюда. Позвонишь завтра в пятое отделение, спросишь меня... – Он пошел навстречу врачам и санитарам.

Толпа переметнулась к сбитым.

Костя остался один. В просвете между людьми он увидел врача, склонившегося к темной фигуре мужчины, лежащего на снегу; женщины Костя не видел. Врач что-то сказал санитарам, те быстро переложили сбитого на носилки и понесли к машине. Костя хорошо рассмотрел его: это был старик, седые волосы упали ему на лоб, торчал острый нос и небритый подбородок. «Мертвый, мертвый!» – подумал Костя, отвернулся от неприятного лица и побежал. Вскоре его обогнали две «скорые», нервно мигая синим светом сигнального фонаря на крыше. Он остановился, проводил их взглядом, увидел, что следом за ними проехал длиннолицый, и, боясь, что тот его заметит, шмыгнул в подворотню к фанаткам. Но их там уже не было. Он выругался, обвиняя их во всех своих несчастьях. Как он сейчас их ненавидел, как проклинал: это ведь они подтолкнули его, проклятая ведьма Глазастая! А теперь все смылись! Сделали из него дурака и смылись. А он отвечай.

Из подъезда дома вынырнула согнутая фигурка Зойки и приблизилась к нему. Ее замерзшие бескровные губы с трудом вытягивались в привычную улыбочку.

– Ну что ты лыбишься? Что уставилась?! – сорвался Костя в крик.

– А что? – испугалась Зойка.

– Дура!.. Кретинка!.. Вот что! – Он сильно толкнул ее.

Она упала навзничь, не произнеся ни слова, как подрезанная. А он, зарывав вздох, бросился бежать, не разбирая дороги.

К своему дому Костя пришел ночью, не помня, где он был и что делал. В темноте двора его обостренные страхом глаза выхватили силуэт милицейской машины с двумя милиционерами – она стояла у подъезда. У Кости не было сил бежать: он замерз и еле волочил ноги. Он обошел дом и поднялся по лестнице с черного входа, отворил дверь и, не зажигая света, одетый, упал на диван, натянул на себя одеяло, чтобы преодолеть озноб.

Хорошо еще, матери не было дома.

Костя пролежал до утра – то ли в бреду, то ли в дреме. Перед ним все время возникал мертвый старик. Несколько раз он вставал и выглядывал в окно, чтобы посмотреть, сторожит его машина или нет. Для этого ему приходилось вскарабкиваться на подоконник: машина стояла слишком близко к подъезду.

Первые два раза машина была на месте. Потом он услышал, как заработал мотор, и она уехала. И все же, не веря своему слуху, снова влез на подоконник и убедился, что милиционеры уехали.

Зато через несколько минут зазвонил телефон. Он не решился снять трубку. Телефон звонил долго, разрывая тишину ночи. Костя не выдержал и накрыл аппарат подушкой. Ближе к рассвету, когда небо посветлело, ему стало полегче; он вдруг подумал, что все обойдется, ну не может быть, что с ним случится несчастье. Ну не может этого быть! И он так долго уго-

варивал и убеждал себя в этом, что все-таки уговорил, успокоился и крепко заснул. Поэтому, когда вновь зазвонил телефон, забыл об осторожности, схватил трубку и услышал, как тихий голос сказал ему:

– Это я.

– Кто «я»? – не понял Костя.

– Глазастая... Все в норме. Стариков откачали. У него перелом ноги и сотрясение мозга. Оклемается. А ее вообще через неделю выкинут.

Костя молчал: волна радости ударила ему в голову. Проклятые старики живы, никто не умер, а он мучился. Все стало на свои места. Он вдруг привычно громко рассмеялся и прежним голосом победителя ответил:

– О'кей, Глазастая! Ты меня разбудила, пойду досыпать. – Это он сказал для красного словца – спать он все же не мог.

Следом позвонила мать. У нее был виноватый голос:

– Костик, доброе утро... Пора вставать. «Петушок пропел давно...» Не забудь позавтракать. Там есть одна котлета. – Она хихикнула. – Я вчера засиделась у Вальки... Спихватились поздно, боялась тебе позвонить, и домой идти ночью страшно... Валька говорит: «Ну и ночуй, пожалуйста... С твоим Костиком ничего не случится...» А я всю ночь продремала, было плохое предчувствие... У тебя все о'кей?

– Мать, не оправдывайся... Скучно. Ты же свободный человек. Сколько можно повторять.

Она что-то еще хотела сказать, но он, не дослушав, повесил трубку и ударил по кнопке мага.

Громкая музыка их группы огласила комнату. Потом запел он сам, и Костя, вторя собственному голосу, самозабвенно, упоенно опрокинулся в небытие пения. Громче, громче, еще громче, чтобы окончательно выбросить из себя весь вчерашний день и эту страшную ночь. Громче, громче!.. Соседи застучали сразу с разных сторон, но он продолжал свою радостную песню освобождения.

7

Дальше все полетело в привычном ритме музыки, отсиживания скучных уроков, веселья концертов и славы. Правда, однажды ему позвонил Куприянов и простуженным баском прохрипел:

– Ты куда пропал, счастливчик? Не дело. Приходи завтра в двенадцать. Составим акт опроса свидетеля. Нет, в двенадцать не годится, не надо срывать из школы. В четыре, без опоздания. – И повесил трубку, не попрощавшись.

Сигналы отбоя больно ударили Костю в ухо. Он нехотя поплелся в милицию. Трусил, поэтому, чтобы как-то утвердиться, выпендрился в свои самые модные шмотки. В скучных и казенных коридорах милиции Костя нашел Куприянова, сидящего в тесной комнатухе еще с двумя милиционерами. Тот встретил его мрачно, оглядел с ног до головы, протянул листок и сказал:

– Подпиши.

Костя прочел акт опроса, в котором было написано, что он, Костя Зотиков, ученик девятого класса 27-й средней школы, двадцать девятого января сего года опаздывал на репетицию школьной рок-группы, попросил незнакомого шофера на улице Фигнера подвезти его. Последний согласился, запросив два рубля. Личность шофера не установлена.

Костя подписал акт, вполне довольный. Он не волновался: история явно шла к концу. Правда, Куприянов вдруг спросил, не поднимая глаз, как бы между прочим, умеет ли он водить машину? Костя, конечно, поспешил ответить, что не умеет, но сразу испугался и,

чтобы скрыть растерянность, стал вести себя нагло, развалился на стуле со скучающим лицом, повесил ногу на ногу. Куприянову это не понравилось, и он спросил неприятным голосом:

– Ты был у старика?

– У какого? – не сообразил Костя.

– У сбитого.

– А зачем?

– Ну, не знаю... Может, тебе угрызения совести не дают покоя, – то ли пошутил, то ли серьезно произнес Куприянов.

– А при чем тут я? – не на шутку испугался Костя.

– Ну, ты сидел в той машине. При чем? Значит, вроде соучастник происшествия. – Глаза у Куприянова сверкнули.

Костю прямо подбросило на стуле от возмущения. Он почти закричал:

– Какой же я соучастник?! Когда я сам пострадавший. – Он и на самом деле искренне считал себя жертвой случая, несчастным. – Сначала я сорвал концерт... Теперь вы меня таскаете... По ночам этот старик снится... Думаете, приятно? Думаете, располагает к спокойной жизни?

– Приятного мало, с одной стороны, – вздохнул Куприянов. – С другой... живет человек вроде тебя, нормально живет, а ему скучно, чего-то недостает. Хочется ему выкинуть какое-нибудь коленце. Выкидывает... и прости-прощай тихая жизнь. А она-то самая желанная, оказывается. Вот ты, например, просто сел в левую машину, ничего особенного: сел, потому что спешил. Не знал к тому же, что она угнанная. У нее же на лбу это не написано. Сел, поехал – и бац! Влип. Последствия, как видишь, самые непредвиденные. Теперь не жалуйся и расхлебывай.

– Так ведь на леваках все ездят, – разозлился Костя. – Можно подумать, что вы не в милиции работаете, а на луне.

– Ездят-то ездят... А попадают не все. Вот в чем секрет. Кто влип, тот и расплачивается, пока другие гуляют, – насмешливо произнес Куприянов, взял акт опроса, посмотрел на Костину роспись и спросил с участием: – Что ты обмотался шарфом? Заболел?

– Горло берегу, – снисходительно улыбнулся Костя.

– У меня есть рецепт... Когда горло болит, в два счета можно вылечить. Значит, так... Берешь поллитровку, выливаешь в стакан, полощешь горло и выплевываешь, полощешь и выплевываешь. Так всю бутылку. А утром просыпаешься, вспоминаешь, что сделал с водкой, болезнь от огорчения как рукой снимает. – Куприянов коротко захохотал, поглядывая на Костю.

Два других милиционера тоже хохотнули.

А Костя опять ухмыльнулся. Его взгляд говорил Куприянову: давай, трави, выдержи. Куприянов помрачнел:

– Выйдем. – А в коридоре, оглядев Костину взлохмаченную голову, длинный желтый шарф, обмотанный вокруг шеи, короткие клоунские брюки в клетку, торчащие из-под брюк пестрые носки, саркастически спросил: – А почему ты все по-английски поешь? Чем тебе наш русский не нравится?

– А что, нельзя? – с вызовом спросил Костя. – Английские песни на английском...

– А сам, значит, японский Самурай! – засмеялся Куприянов. – Ух ты, стервец-космополит! – Он привычным движением схватил Костю за шарф, подтянул к себе, посмотрел на него злыми глазами и прошептал: – Мой тебе совет, счастливчик, ты эту свою вечную ухмылку спрячь, а то она раздражает нашего брата. Лады? – И повел Костю к следователю, размахивая подписанным актом, вышагивая непомерно широким шагом, несмотря на небольшой рост.

Костя шел следом за ним с безразличным видом, только один раз, когда он увидел за окном улицу и прохожих, спешащих по своим делам и слоняющихся без дела, то почувствовал легкую тоску по свободной жизни.

– Между прочим, кто твои родители? – вдруг спросил Куприянов.

Костя заметил, что Куприянов всегда задает вопросы неожиданно, точно хочет застать собеседника врасплох. Но он был начеку. Ему не хотелось открывать тайну своей личной жизни, рассказывать первому встречному, что у него нет отца, и он соврал:

– Родители работают на заводе радиоаппаратуры (хотя там работала только его мать).

У следователя Куприянов снова расцвел, всю его мрачность как рукой сняло.

– Привел к тебе Зотикова. – Куприянов с любовью посмотрел на Костю, излучая сияние. – Он и есть наш знаменитый Самурай! Ты его никогда не слышал? Отстаешь, старик. Твоему старшему сколько? Четырнадцать?... «Металлом» увлекается? Ну так ты обратись к нему за разъяснением, он тебе все в красках разрисует. – Выразительно подмигнул Косте и вышел.

Следователь встал, кивнул Косте: мол, пошли, и выкатился из кабинета. Он привел Костю в просторную комнату с зарешеченными окнами. У стены, плечом к плечу, сидели шестеро мужчин, а чуть в стороне милиционер. Он тусклым голосом предложил Косте опознать среди этих шестерых шофера, который его вез, когда случился наезд.

Костя посмотрел на мужчин – они были для него одинаково однообразны и скучны – и отвернулся. Ему сразу стало тоскливо от серости этой убогой комнаты с блеклыми стенами, с решетками на голых окнах, со старой, облупленной мебелью и грязными полами, на которых видны были многочисленные следы от мокрых ботинок.

– Ну что, никого не узнаешь? – спросил следователь.

Костя помотал головой.

– А ты всмотришься, – приказал следователь. – Не стесняйся, всмотришься.

– А я и не стесняюсь, – ответил Костя. Он вдруг смекнул, что если никого из них «не узнает», то его будут таскать без конца в милицию и показывать ему новых и новых шоферов. Поэтому он решил разыграть следователя, ткнул пальцем в самого крайнего мужчину, мордатого, краснощекого, и сказал: – По-моему, вот этот. – Помолчал, перевел взгляд на худого, низкорослого, со злобинкой в лице и произнес: – Нет, пожалуй, тот шофер смахивал больше на этого гражданина.

Трюк его удался, следователь понуро вздохнул:

– Диапазончик значительный. Черт побери! С тобой все ясно, «металлист». Иди, парень, гуляй! Когда надо будет, позовем.

На улицу Костя вышел вполне довольный. Его там ждали фанатки. Он хотел к ним подойти, но тут кто-то тронул за локоть. Костя оглянулся – перед ним стоял здоровенный толстяк, один из тех, кто сидел на опознании.

– Будем знакомы, хлопец. – Он, излучая доброжелательство, обхватил Костину руку своей здоровенной лапой. – Судаков. – И пояснил: – Это мою машину угнали... Но ты мне сегодня помог. Подтвердил, что это не я. А то следователь подозрительный.

– Извините... меня ждут. – Костя еле вырвал у него руку, потом засмеялся и весело крикнул: – Я рад, что помог!

Так история с милицией закончилась, и Костя в тот же день выбросил из головы ее холодные, неуютные комнаты. Он умел забывать все, что ему было неприятно.

Правда, уже весной, когда фанатки очередной раз провожали Костю после воскресного дневного концерта, между ними возник разговор о сбитых стариках. Причем разговор начался из-за Кости. Они встретили на улице одного типа, с которым Костя не раз вместе угонял машины, тот его «обучил» этому ремеслу. Веселый такой тип, вечно похваляющийся своей силой и храбростью. Его и звали Весельчаком. Он увидел Костю в сопровождении девчонок, замахал издали рукой, переметнулся на их сторону, заулыбался:

– Не хотите ли прокатиться с ветерком? – Кивнул на вереницу припаркованных машин. – Любая, на выбор.

– А что?! – поддержал его Костя, скрывая свою нерешительность.

– Тогда отойдите за угол и ждите! – Весельчак направился к машинам.

Костя с фанатками прошли немного вперед и остановились. Оттого что фанатки молчали, Костя еще больше расхрабрился, глаза его лихорадочно блеснули. Улыбался, острлил, ёрничал:

– «Неужели в самом деле все фанатки отсырели?...» Нет, лучше «облысели»... Представляете, вы все лысые. У вас гладенькие, лысые головки. Волосы повылазили от страха. Все ясно: над вами прочно нависли тени милых старичков. Раскаяние мучает ваши души и сердца. Слезы готовы брызнуть из глаз!..

– Чего-чего? – спохватилась Ромашка. – Еще думать про каких-то стариков? Не сдохли – ну и черт с ними! Лично я живу вообще одним днем. А то вдруг трахнет бомбочка – и капут. Правда, Каланчонок?

Каланча, чтобы скрыть собственную неуверенность – ей до ужаса не хотелось лезть в чужую машину, – щелкнула Ромашку по носу.

– Больно, дура! – неожиданно психанула Ромашка.

– Больно? – рассмеялась Каланча. – А я же любя.

– Ребята, погода хорошая, солнце, – вмешалась Зойка. – Лучше прошвырнуться.

– А ты не пищи и не голосуй, тоже мне – агитатор! – сказала Глазастая. – Мы все – за!

Они медленно шли по улице, непрерывно оглядываясь... Но вот из-за угла появились вишневые «жигули», домчались до них, остановились, улыбающийся Весельчак распахнул дверь, крикнул:

– Вали!

Они попадали в машину и полетели в неизвестную даль.

8

Ну и денек выдался. Боже, спаси и помилуй! Потом Лиза его часто вспоминала, потому что это было последнее воскресенье, прожитое ею по-старому.

Все началось ночью. Приснился странный сон, без начала и конца. Баба Аня кричала, звала: «Лиза!.. Лиза-а-а!.. Дочка, что же ты?» Проснулась, как говорится, в холодном поту. Обычно ей не снятся страшные сны, а все хорошие, веселые; проснется, улыбнется и дальше в подушку. А тут ужас! Хотя ничего не произошло, просто баба Аня ее звала, ну, может быть, слишком печальным голосом. И всё. А ей стало страшно. Лиза подумала, что зря вчера она ее отправила в Вычегду, надо было заставить переночевать в городе, а утром проводить. Как хорошо было бы на душе, если бы она сейчас была здесь. Вышла бы на кухню, а там баба Аня... «Совсем она у меня из головы вон, – подумала Лиза, – бедная, одинокая, разнесчастная старуха».

Тут Лиза поймала себя на том, что иногда не вспоминает о матери по целым неделям. Вот от чего ей стало страшно, а не от сна, догадалась – от того, что забросила родную мать. Решила: «Встану – сразу позвоню», но потом зачухалась по дому... и забыла.

Встала, набросила на Костю одеяло – оно валялось на полу, не удержалась, осторожно поцеловала, чтобы не разбудить. Тихонько убрала свою раскладушку. И закружилась. Выбежала в магазин: надо было что-то купить, а там ни «хрена подобного», схватила в кафе-терии четыре пирожка с творогом, подхватила в овощном авоську с картошкой, пособачилась немного, что они продают гнилую, но ругаться длинно не стала – себе дороже: у них луже-ные глотки, все равно перекрычат.

На обратном пути встретила Степаныча. Он злился, что Зойка, поганка, не захотела с ним ехать на садовый участок. «Воскресенье с отцом не может провести». Лиза, конечно, взяла сторону Зойки. До чего все родители одинаковые: вынь и положь им родное дитя, чтобы всегда оно было рядом.

– Конечно, я своего тоже пасу, – сказала Лиза, – но меру знаю.

Степаныч – мужик ничего. Стоящий. Лиза по привычке сделала ему глазки, хотя относилась к нему по-родственному – полжизни прожили в соседях. Поговорили, похохотали. Он полуобнял ее, произнес свою любимую фразу: «Ну, Лизок, когда будем дверь пробивать? У меня руки чешутся». Он как бы шутил, ёрничал, но Лиза заметила, что глаз у него подернулся надеждой, что он не шутит, а всерьез. Она засмеялась и скоро-скоро побежала домой, чувствуя на спине и на ногах его провожающий взгляд. От этого походка у нее стала совсем легкой, летящей. Дома подсушила на сковородке хлеб, а то он сырой, достала из холодиль-

ника плавленный сырок, надкусанный Костей, съела на ходу, стоя на одной ноге, влезла в домашний ситцевый халатик, накрутила бигуди. У нее на этот счет твердое правило: к вечеру надо быть в форме на всякий пожарный случай. А то вдруг подвернется компания, или кто-нибудь неожиданный заглянет в гости, или позвонит забытый, заброшенный кадр. Пойдут воспоминания, вздохи-охи... Лиза любила это. Потом она села за халтуру. Ее хорошенькое, умиротворенное личико приобрело сосредоточенное выражение, поэтому она очень испугалась и вздрогнула, чуть не упала со стула, когда комнату неожиданно оглушила громкая музыка.

Это проснулся Костя и сразу врубил маг на полную катушку.

– Ты что?! – возмутилась Лиза.

– Ничего, – спокойно ответил Костя.

Лиза посмотрела на сына – до чего он симпатичный, не смогла сдержать улыбку, махнула приветливо рукой, надела на уши от шума Костины старые наушники и застучала по клавишам машинки. «А куда ему действительно деваться, – думала Лиза, – когда у них всего одна небольшая комната и шестиметровка кухня? Попробуй развернись в этих хоромах!» Она вздохнула, словно ей стало жалко себя, что они живут в такой тесноте. Но на самом деле она любила свою квартирку и весь ее нелепый вид. Ей нравился громадный старый шифоньер бабы Ани – он занимал почти полкомнаты; ломберный столик под зеленым сукном, вытертый, в пятнах, но родной и близкий, на нем Лиза в детстве делала уроки, а теперь печатала; и овальное зеркало в красном дереве с канделябрами – в них почему-то всегда торчала одна свеча.

Два последних предмета – ломберный столик и овальное зеркало – это уже не от бабы Ани, а от дедушки и бабушки. Их Лиза, естественно, не знала, они для нее как миражи в пустыне. Вроде были, а может, и нет. Правда, одна фотография деда у Лизы имелась. На ней сидел мужчина в черной рясе, с большим крестом на груди. У него было простое доброе лицо, густая борода; длинные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб. На коленях дедушки покоилась девочка лет трех, остроглазая и живая. Дедушка держал ее маленькую ладошку в своей широкой руке, держал крепко, и было видно, что оба они слиты этим рукопожатием навечно.

Эта девочка и была ее мама – баба Аня. Она сохранила фотографию своего отца, несмотря на лихолетье. Дедушку застрелили в Гражданскую: ворвался в церковь местный революционер во время утренней службы, на Родительскую субботу, услышал, как дед читал молитву по усопшим, и застрелил. Антихриста арестовали за убийство, но потом выпустили. Какое-то время он даже ходил по городку героем: его все знали, показывали на него пальцем, боялись. А ему это нравилось, он куражился. После смерти священника приход распался, церковь закрыли, бабушка умерла от тоски, и баба Аня осталась одна.

В церкви сначала устроили склад, потом какая-то очень умная голова решила переоборудовать ее в Дом культуры. Нашелся умелец сапер, который взялся «срезать» взрывным устройством колокольню. «Сразу, как бритвой, в аккурат ниже звонницы. Она взлетит и сядет поодаль, – хвастался он. – А мы поставим новую крышу, и будь здоров, Дом культуры!» Он чертил планы «срезки», делал расчеты, их обсуждали в горисполкоме, а потом он так срезал колокольню, что вся церковь охнула, покачнулась, застонала, покосилась набок и в нескольких местах треснула от пола до потолка.

В день взрыва в доме бабы Ани вышибло все стекла.

Народ по-разному отнесся к этому событию: одни возмущались между собою, перешептываясь, другие с восторгом рассказывали о взрыве и издевались над сапером. Церковь ведь пятнадцатого века: маленькая, крепкая, вросшая в землю, иконостас в ней выписан знаменитыми мастерами. Церковь была монастырской, сооружена как охранная против врагов

отечества на подступах к Москве. Стояла за каменной стеной. Ее монахи были воинами. А когда рядом вырос городок, то стену постепенно снесли.

После взрыва в церкви устроили тир, и туда повадились ходить воинственные мальчишки. Самые отчаянные из них иногда незаметно постреливали по иконостасу. Потом откуда-то появился председатель горисполкома из приезжих. Инициативный, энергичный. Он решил в бывшей церкви устроить спортивный бассейн: провел туда водопровод, разрыв всю гору, на которой стояла церковь, внизу поставил насосную станцию, чтобы качать, гнать воду наверх, разобрал каменный изразцовый пол, выкопал котлован, но водопровод почему-то прорвало, и всю церковь затопило.

Несколько раз у бабы Ани собирались отнять дом. Но так как она не скандалила, не отказывалась от выселения, не плакала и не просила, а только сурово выслушивала очередной приговор очередного начальника, то ни у кого почему-то не хватило решимости выгнать ее на улицу. Первое время баба Аня жила огородом и держала корову. Трудилась не покладая рук. Потом корову у нее забрали в колхозное стадо, и она пошла за нею следом в колхоз и проработала там без малого сорок лет. Замуж вышла поздно, за битого-перебитого однорукого мужика, родила дочь Лизу, а его похоронила на местном кладбище. Теперь у нее здесь были три родные могилы.

... Раздался длинный телефонный звонок. Костя нехотя выключил магнитофон и снял трубку. Он знал: звонила баба Аня.

– Алло? Приветик. Нормально... Исполняет соло на машинке.

Нельзя сказать, что бабушка насканивала на него или читала нотации; нет, она была радостной, расположенной, ласковой, но Костя никогда не знал, о чем с нею разговаривать, и пытался побыстрее передать трубку матери. Так он поступил и на этот раз: подошел к Лизе с телефоном, постучал костяшками пальцев по ее спине.

Лиза повернулась к сыну с легкой улыбкой, вопросительно посмотрела на Костю, при этом ее аккуратно выщипанные брови полезли вверх.

– Вычегда, – объявил Костя, протянул матери телефонную трубку и вышел из комнаты.

Он протиснулся в крохотную ванную и там стал одеваться, поглядывая на себя в зеркало. Причесался, взбил на голове хохолок. Отлично взбил, красиво: когда он подпрыгивал, то хохолок тоже прыгал. Улыбнулся, сделал строгое лицо – сам себе понравился: хорош! Зашел на кухню, увидел пирожки с творогом и съел все четыре штуки. До него долетал голос матери, она все еще разговаривала с бабой Аней: «Ты мне сегодня снилась... Звала: „Лиза, Лиза, дочка...“ Ты как там? Приеду, обязательно приеду... и Костика привезу».

Костя, сидя на кухне и доедая пирожок, скорчил рожу – к бабе Ане он совсем не собирался.

– Печатаю, – продолжала Лиза. – Диссертацию по истории. Оказывается, Петр Первый был отвратительный тип. Изменял Екатерине на каждом шагу и еще имел наглость ей об этом рассказывать. Я бы на ее месте наплевала на эту царскую корону... Ну и что, что воскресенье? Грех работать? А нам нужны деньги.

Лиза повернулась к двери и увидела Костю. Он уже был одет в свою униформу и собирался улизнуть.

– Ты уходишь? – испуганно спросила Лиза.

Костя кивнул.

– Мама, я тебе перезвоню, – сказала Лиза и повесила трубку. – Костик, а как же я? – Лицо у нее стало обиженное и несчастное. – Значит, кино на сегодня отменяется? Значит, пропало совместное воскресенье? Но мы же вчера договорились?

– Так то вчера, – ответил Костя. – Ты же печатаешь.

– А я бы бросила! – с восторгом ответила Лиза.

Костя строго, трезво и по-деловому спросил ее:

– А как же деньги на новый костюм?

– Знаешь... – Лиза виновато потупилась. – А что, если временно мы не будем покупать костюм?

Вот тут Костя очень удивился: столько говорили о костюме, ходили по магазинам, прикидывали, примеряли, и на тебе, пожалуйста, – она передумала!

– Ты что, мать?! – сорвался он на крик. – Забыла, зачем он мне?

Тут она выложила свой коронный план, она его давно пестовала в глубине души, только никак не могла решиться сказать ему:

– Ну, понимаешь... хотела собрать денег, чтобы поехать с тобой на конкурс.

– Ты даешь! – искренне возмутился Костя. – Со мной на конкурс? Это же смешно.

– А что смешного? – слабо и неуверенно защищалась Лиза. – Ничего. Наоборот, мне интересно. Ну как я живу, ты замечал, между прочим?... А-а, не замечал! Работа – дом, дом – работа. А тут конкурс!

– Ну вот что, не морочь мне голову. Понятно?

Лиза кивнула.

– Приехать на конкурс с мамашей! – Костя еще раз посмотрел на себя в зеркало и еще раз поправил прическу, не глядя на Лизу. – Курам на смех! На меня же пальцем будут показывать. У меня и так зажим, комплексуха, а тут еще ты!

– Мне тоже хочется повеселиться, – упрямо повторила Лиза.

– А ты знаешь, какая движущая сила в современной жизни? – продолжал наступать Костя.

– Не знаю.

– Не знаешь! – торжествовал Костя. – А вот если бы знала, вела бы себя по-другому.

– Так ты мне объясни, – робко попросила Лиза, – может, я пойму... Какая такая движущая сила?

– Престижность! – ответил Костя. – Если я буду в форме, у меня все пойдет по-другому. В силу вступает психология. Понимаешь?... Я должен победить всех еще до конкурса... Появлюсь весь в стиле, уверенный в себе. – Костя с небрежным видом прошелся мимо матери, живо представляя себе, как он будет это делать. – Еще не пел, а уже победил. Или я вползаю в старье. Сразу готов, спекся. Могу и не ходить на конкурс.

– Неужели так много зависит... от этой престижности?

– Конечно. Престижность в наше время – королева успеха. – Костя оживился. – Вот послушай... Мне один валторнист рассказывал, как он был на конкурсе... После второго тура попал на четвертое место. Что делать? Как вырваться? На раздумье один день. И он одолжил у знакомых прикольную тачку... Подкатывает к залу в тот момент, когда все выходят на улицу. Открывает двери: садитесь, развезу всех по-братски. В рядах противника паника. А он выходит, играет лучше всех – и первое место у него в кармане. Нет, мать, престижность – это сила!

Лиза подняла глаза на своего Костика, который как картинка рисовался перед нею, все же улыбнулась и сказала:

– Ну веселись. Все нормально. Ты прав, я буду работать.

– А ты не вешай носа, – ответил на ходу Костя. – Мы еще с тобой погуляем.

Костя выскочил на лестничную площадку. Тут же хлопнула соседняя дверь, и рядом с ним появилась Зойка – глаза подмазаны, в ушах сережки. Вызвали лифт. Зойка не отрываясь смотрела на Костю. Тот не замечал ее напрочь.

– А Степаныч лепит пельмени, – сказала Зойка, чтобы привлечь внимание Кости. – Представляешь?

– Пельмени? – рассеянно переспросил Костя. – А зачем?

– Сегодня к нам приедет мамаша с хахалем. – Зойка недовольно фыркнула. – Так он, дурачок, их пельменями решил удивить.

– Ну и что?

– А то, – ответила Зойка. – Измены прощать нельзя.

– Ух ты, какая строгая, прямо прокурор! – Костя вдруг схватил Зойку за нос и захохотал. Зойка вырвалась, ей больно и обидно, но она стерпела.

Лифт остановился на их этаже. Из него вышла женщина-почтальон, а они протиснулись мимо нее. В последний момент она поймала Костю за рукав: «Зотиков? Ты-то мне и нужен. Здесь повесточка».

– Матери отдайте, – заторопился Костя. – Она дома.

Но женщина не сдавалась:

– Тут требуется твоя подпись.

Зойка сострила:

– Может, тебя вызывают в суд для развода? Может, ты состоял в тайном браке?

Хохотнула своей шутке, с любопытством заглянула в повестку и сразу сникла. Помрачнела. Насупилась. Испугалась. Костю вызывали в суд. Она сразу усекла из-за чего. Подумала: «Ну, началось».

А Костя, расписываясь, пританцовывал, не читая повестку. Женщина разорвала повестку пополам: одну половинку с его росписью взяла себе, другую отдала Косте.

– Что ж тебя в суд вызывают? Натворил что?

– В суд?!

Только теперь Костя прочитал повестку:

«К. Зотикову явиться в суд второго участка...»

Женщина ушла вниз.

– Из-за старика, – догадалась Зойка.

– Помолчи, и без тебя тошно! – грубо ответил Костя.

– А хочешь, я вместо тебя схожу? – предложила Зойка. – Скажу судье, что ты уехал или что у тебя концерты.

– Да начхать ему на мои концерты! – закричал Костя, мгновенно впадая в истерику. – Черт побери! Снова заниматься этим дерьмом – встречаться с этими рожами! Будь они прокляты! Скоты, жить не дают! – Он стоял рядом с Зойкой мрачнее тучи.

– Костя, у меня предложение, – начала Зойка.

– Да катись ты со своими предложениями знаешь куда!

Он неслышно открыл дверь, вошел в комнату. Лиза сидела к нему спиной, ее машинка строчила как пулемет.

– Тра-та-та! – закричал Костя, изображая солдата, стреляющего из автомата.

Лиза вскрикнула, оглянулась, увидела Костю – улыбнулась:

– Ты вернулся? Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось. Просто я передумал. – Он еще не знал, как ему взвалить свою ношу на нее, но должна же она ему помочь! – Подумал, может, нам правда сходить вместе в кино?...

– Вот хорошо! – обрадовалась Лиза. – Приглашаю тебя... даже не в кино, а в кафе... Помнишь, как в детстве: «А сегодня, Костик, у нас будет совместное веселое воскресенье».

– «...и ты будешь целый день со своей мамой!» – кривлялся Костя, подражая Лизе. Зло добавил: – А потом тебе звонил какой-нибудь очередной мужик, и ты убегала.

– Неправда, Костик! – Лиза рассмеялась. – Я не всегда убегала. – Она сбросила халат и достала из шкафа платье. – Воскресенья были для меня святые дни. И вообще, заруби себе на носу: я живу только для тебя.

Костя незаметно вытащил из кармана повестку, перечитал ее.

– Если хочешь знать, – продолжала Лиза, – из-за тебя я не вышла замуж. Помнишь: приехала я на дачу, ты тогда был в старшей группе, между прочим, был веселенький, ладный мальчик. Красавчик. И уже пел смешные песенки про цыплят, про поросенка. Наивный, хороший был мальчик. Первый романтик в группе. Ночью потихоньку выходил во двор, чтобы «поймать» в темном небе движущийся спутник. Ну так вот... Спросила я тебя: «Можно выйти замуж?» Между прочим, сильно волновалась. А ты ответил: «Не хочу замуж». Я очень расстроилась: мужик был хороший, с высшим, то ли инженер, то ли врач...

Забыла. Но тебя я послушала и замуж не пошла. – Она повернулась к Косте спиной: – Застегни молнию. Жалко, мое розовое в чистке. Оно меня молодит.

– Не волнуйся, – подыграл ей Костя. – Тебя и так все принимают за мою сестру.

– Ну ты скажешь!

– Спроси у Зойки, она подтвердит.

Лиза засияла, настроение у нее было замечательное.

– Баба Аня вчера спрашивала, – продолжала она, мечась по комнате, бросаясь то в один угол, то в другой в поисках сумки. – Ты моей сумки не видел?... Баба Аня спрашивала: почему ты на концерте был такой резкий?

– А зачем ты ее притащила? Она же древняя. Ничего не просекает. Повела бы в оперетту.

– При чем тут оперетта? Ты же ее внук, между прочим. Она только из-за тебя и приехала. – Лиза нашла сумку, бросилась к зеркалу, стала раскручивать бигуди. – Можно подумать, ты бабу Аню не знаешь. Ей интересно про тебя. А ты вчера хорошо пел. Особенно здорово у тебя вышла твоя песенка. Ну, там про этот мир, в котором никому нельзя уступать. И обаяние у тебя есть. – Добавила с наивной гордостью: – Это у тебя по наследству... от меня. Ты действуй, действуй обаянием!

Костя ничего не слышал, теребил повестку в кармане, хотелось побыстрее подсунуть ее Лизе. Наконец решительно перебил:

– Мать!

– Что? – испугалась Лиза. – Не то ляпнула?

– Да нет... Я хотел тебе сказать... – Костя опять испугался. – Нет, я хотел спросить... Ты думаешь, я добьюсь успеха?

– А ты сомневаешься? Вот дурачок! – Каждый раз, когда он впадал в панику, когда терял уверенность в собственных силах или им овладевала апатия, Лиза мгновенно это чувствовала и бросалась на помощь. Делала она это ловко и естественно. – Ты станешь знаменитостью. Это я тебе точно говорю. Хорошо бы побыстрее, чтобы я не превратилась в старуху. По телику будешь петь на всю страну. – Подкрасила губы, скосив глаза на Костю, подумала: «Какой он нервный!» – Ты не заболел? – Попробовала его лоб рукой, с нежностью погладила жесткие прямые волосы.

– Нормально, – ответил Костя.

– У меня тоже был слух и голос, – продолжала Лиза. – В наше время в песне главное было – задушевность. – Она негромко запела, стараясь произвести впечатление на сына: «Серебряные свадьбы...»

– От такой задушевности можно удавиться, – мрачно заметил Костя.

Лиза осеклась. Он умел ее осадить.

– Тогда другое было время, – пыталась она спастись. – Между прочим, я в Москве в Колонном выступала. Знаю, знаю! Ты слышал про это сто раз! А ты послушай сто первый – учись жить у родительницы! – Лиза звонко рассмеялась. Она прыгала и скакала, продолжая собираться. – Тогда обстоятельства были выше меня. Я тогда толкаться не умела. Локти были слабые. Теперь голос пропал, зато локти окрепли. Кого хочешь могу с ног сбить. – Она заглянула под тахту, вытащила оттуда туфли, обулась, сидя на полу. – Да, туфельки дают дуба. Это тоже проблема – где достать и на какие шиши? Так что, Костик, не волнуйся: ты идешь по проторенной дорожке. По проторенной всегда легче.

– А я и не волнуюсь, – соврал Костя, совершенно не владея собой. Он то вставал, то садился, то зачем-то выглядывал в окно.

– Нет, ты психуешь. Кого ты пытаешься обмануть – меня?... Я все вижу. Я тебе говорила, что прорываться лучше всего через самодеятельность? И оказалась права. Вроде как народный талант. У нас это уважают. – Лиза последний раз покружилась перед зеркалом. – Вот я и готова. Пошли? – Взяла сумку, заглянула в нее и помрачнела: – Ни копейки... Надо же.

Лиза недолго размышляла, выскочила на лестничную площадку, позвонила Степанычу. До Кости долетал ее звонкий голос. «Степаныч!» – кричала она, не дожидаясь, когда ей откроют. Потом он услышал, как щелкнула дверь и раздался хриплый голос Степаныча: «Привет, Лизавета! Заходи, что остановилась на пороге?» Костя знал: Степанычу главное заманить «Лизавету». Она ему ответила: «Мы с Костей уходим... Одолжи десятку». – «Счас. – Голос у Степаныча услужливый. – Вот... А хочешь больше? Не стесняйся».

Костя услышал, как хлопнула дверь у Степаныча, резко повернулся спиной к входящей матери и уронил повестку на пол. Лиза тут же заметила ее и подхватила:

– Записка? От девчонки?

– Отдай! – приказал Костя.

– Не отдам! – рассмеялась Лиза. – Мне тоже интересно ее прочитать.

Костя бросился к матери, та увернулась, записку она сжала в кулаке и спрятала за спину. Он пытался вывернуть ее руку.

– Ты сильный, а я сильнее, – сопротивлялась Лиза, ей было весело от этой игры.

Но Костя все-таки разжал кулак матери и взял повестку. Он развернул ее, помедлил, посмотрел на мать и очень естественно удивился:

– Черт! Совсем забыл. Меня вызывают в суд. – И как только он произнес эти слова, сразу почувствовал облегчение.

– В суд?! – испуганно переспросила Лиза. Схватила повестку, пробежала глазами, ничего не поняла и во второй раз прочитала вслух: – «К. Зотикову явиться в суд второго участка Пролетарского района. Явка обязательна». – Она посмотрела на сына. Ей вдруг стало страшно. – Что ты сделал, Костя?

– Ничего, – стараясь держаться беззаботно, ответил Костя.

– Ну, рассказывай. – Лиза присела на краешек стула. Глаза тревожные. – Только без вранья. Я ведь не дура, понимаю: просто так в суд не вызывают.

– Я свидетель. Понимаешь, сви-де-тель!..

– А что ты кричишь? – Лиза посмотрела на сына с подозрением.

– Ну, от тебя можно взбеситься! Сначала задаешь вопросы... Говоришь, только без вранья! А когда я тебе врал, ну, когда, скажи?! А-а, не помнишь! Ты лучше за собой последи, как у тебя с враньем?... – Костя возбужденно бегал по комнате, размахивал руками, всем своим видом изображая неудовольствие. – Потом спрашиваешь, почему я кричу? А я, к твоему сведению, кричу, потому что вижу: ты мне не веришь. Я вижу, вижу!.. Смотришь на меня с большим подозрением. А это неприятно, и вообще, я потерял желание тебе рассказывать...

– Ну, хорошо, ну, успокойся. – Лиза обняла сына, но он вырвался. – Я сижу. – Она села. – И не двигаюсь, и тебя не перебиваю... Рассказывай.

– Случилось еще в январе. – Костя заставил себя говорить спокойнее, сдерживая волнение. – Помнишь, тогда был жуткий холод. А я опаздывал после музыкалки на репетицию. Я не люблю, когда ребята ждут. Ну, в общем, спешил... Выскочил – вижу, стоит «Волга». Мотор тарахтит, шофер рядом. Спросил – подвезешь? И поехали. А когда он сбил двоих... старика со старухой...

– Сбил?! – вскрикнула Лиза. – Насмерть?

– Да нет, не бледней, те оклемались. Ну так вот, когда он сбил, то смылся. Только пятки засверкали. – Костя врал складно, история была накатанная. Он сейчас сам в нее верил, будто и вправду было так, как он рассказывал. У него даже появилось желание обрисовать всю историю в красках. – Значит, он убежал на моих глазах, а я стою как прикованный. Ну, точно парализовало. Из машины вылез и стою. Потом побежал следом, потом вспомнил, что забыл сакс, вернулся, и тут какая-то тетка вцепилась в меня... Да, я забыл: когда он сбил этих стариков, то на улице не было никого, а когда я вернулся за саксом, подвалил народ. Ну и тетка, которая меня схватила, тоже стояла среди прочих... Я был за их спинами, но она

меня усекла и наскочила, она такая оголтелая, завопила, заголосила: «Я шофера поймала-а-а! Помогите!.. Он вырывается!» А я и не вырывался, тихо стоял. А тут появилась милиция, раньше «скорой помощи»: где, говорят, шофер? Ну, я им отвечаю: «Никакой я не шофер, я машину водить не умею».

– Как – не умеешь? – удивилась Лиза. – Ты же ходил на курсы. Значит, врал, а говоришь, что не врешь?

– Не врал я тебе! – опять взметнулся Костя. – Им соврал, что не умею. Ну сама рассуди: шофер сбежал, вокруг толпа, человек лежит сбитый, а я вылезая из машины. Попробуй докажи, что ты не верблюд. Не докажешь, я это сообразил. И хорошо, что соврал: эта машина оказалась угнанной, а ее водитель – угонщик. Он, выходит, сразу два преступления совершил: угнал машину и сбил человека. С нашей милицией надо осторожно. Если бы я не соврал, они бы на меня могли повесить всех собак. И что угнал, и что сбил...

– Ой как мне не нравится эта история, Костик!.. Она запутанная, – сказала Лиза. – А ты почему до сих пор молчал?

– Не хотел тебя расстраивать. Ты бы ругаться стала, знаю я: зачем я езжу на леваках, денег нам и так не хватает... и то и се...

Костя остановился около Лизы. Та обняла его и прижала к себе. Они почему-то оба замолчали, сами не зная почему. Страх вошел в их души, и они почувствовали, что наступает на них что-то большое, темное, неотвратимое. Наконец у Лизы по губам пробежала робкая улыбка.

– Я знаю, ты у меня хороший, – сказала она. – Ну, рассказывай дальше – до конца.

– Мать, ей-богу, дело выеденного яйца не стоит. Следовательно меня сразу отпустил. Говорит: «Гуляй, парень! Когда нужно будет, вызовем». А еще там был один мент, фамилия Куприянов, лицо у него такое длинное, лошадиное, узнал меня. «Ты, – говорит, – не иначе – знаменитый Самурай! Моя дочь – твоя фанатка. Бешеная поклонница».

– Так прямо и сказал? «Бешеная поклонница»? До чего дожили – милиция увлекается роком. – Лизе немного полегчало, и она тихонько засмеялась. – Надо же, ну времена! Меня за рок выволакивали с танцплощадки. А один раз даже отвели в отделение. Я с тех пор милиции как огня боюсь. – Она посмотрела на себя в зеркало. – Что-то я бледная. – Неясное волнение еще жило в ней. Она провела рукой по щеке, вытащила из сумочки румяна, подкрасила скулы. – Конечно, все внутри оборвалось. Ноги до сих пор дрожат.

– Ну, мы идем или нет? – спросил Костя. Ему хотелось побыстрее вырваться на улицу.

– Конечно, идем! – Лиза рассмеялась, на этот раз громко и уверенно.

9

Они шли по шумным улицам города, вдыхали густо осевший дым, перемешанный с гарью машин, перебегали в неположенных местах, шоферы их ругали, а они беззаботно смеялись в ответ, совершенно ни о чем не думая.

– Можно сказать, мне повезло! – выкрикнул Костя. – Завтра контрольная по химии. А я слинял по уважительной причине.

– Не хватает, чтобы ты из-за этого провалился на экзаменах, – заметила Лиза.

– Да, у нас без химии не запоешь... – горестно вздохнул Костя.

– Постой, постой! – Лиза даже остановилась. – Я вспомнила! Ура, мы спасены!.. У меня в этом суде работает один старый знакомый. Я ему позвоню, он обязательно тебе поможет. – Она судорожно рылась в сумочке. – Где же моя записная книжка? – Наконец нашла ее, стала искать нужный телефон, перебирая потрепанные страницы. – Боря, Боря, Боря... Не помню, на какую букву я его записала. Ну, в общем, его найти не большой труд. Он нас выручит, это точно! Знаешь что? Я сама пойду в суд! – решительно заявила Лиза.

– Ну, мать, ты меня опекаешь! – Костя едва скрыл свой восторг.

– Возьму директорскую «Волгу» и подскачу, – с некоторой самоуверенностью и непри-
нужденной лихостью продолжала Лиза. – Ты же знаешь, как он ко мне относится?

– Конечно, знаю, – подхватил Костя, желая ей подыграть. Ох, какой он был милый,
готов был перед нею ползать на брюхе в грязи городской улицы. – Только ты не опаздывай.
Судья там, по слухам, лютый зверь.

– Ну и что, что лютый зверь? Подмажусь, подкрашусь, приоденусь и поплыву. – Лизе
сейчас, когда она помогала своему Костику, и сам черт был не страшен. – А кто он такой?

– Какой-то Глебов.

– Глебов?! Ой, держите меня, схожу с ума! – Лиза зашлась хохотом. Теперь ей вся эта
история показалась просто забавным приключением. – Ну прямо как в сказке все сходится.
Мой знакомый Борька... он же Глебов!

– Шутишь? – оживился Костя. – Бывший?

– Ага, – таинственно улыбнулась Лиза.

– Ну, может, он и не зверь, но вредный буквоед – точно. Имей в виду, – продолжал
сочинять Костя.

– Скажите пожалуйста, – иронически произнесла Лиза. – А из-за меня он когда-то про-
висел целый день на дереве. Смотрит на меня и машет рукой. Оказывается, познакомиться
хотел.

– Сам Глебов? – Костя возбужденно и восхищенно покачал головой. – На дереве? Ну,
мать, я тебя уважаю.

– Он меня знаешь как любил! Все девчонки завидовали. Чего только не делал из-за
меня! И дрался. И на коленях передо мной стоял. – Лиза вспомнила Глебова: живые картинки
юности замелькали перед нею. Добавила с грустью и гордостью: – Он жить без меня не мог.

– А почему же ты не вышла за него замуж? – спросил Костя.

– Ну... Это долгая история. А потом, меня и другие любили... – ответила Лиза. –
Скучно было сидеть в Вычегде, и я уехала. Можно сказать, под покровом ночи исчезла одна.
Я была красотка... В меня все влюблялись. На улицу нельзя было выйти – обязательно кто-
нибудь приставал. – Она рассмеялась, голова у нее закружилась от сладостного прошлого,
от нынешнего (она не поставила на себе крест), от присутствия родного Костики – это для
нее было такое счастье.

Когда они подошли к кафе, то Костя увидел припаркованный к тротуару мотоцикл
Куприянова. Сам он стоял чуть поодаль, около задержанного грузовика, и проверял права у
шофера. Костя сделал вид, что не заметил его, прошел следом за Лизой, но потом не вытер-
пел, уже в дверях почему-то оглянулся... и встретился со взглядом Куприянова. Тот помахал
ему рукой и ухмыльнулся. Встреча с милиционером испортила Косте настроение. До чего
он ненавидел эту куприяновскую ухмылку, которая ему так и говорила: «Ври, ври, парень,
а я-то все знаю, ты у меня вот тут – в кулаке».

10

На следующий день Лиза, в розовом платье, в том самом, которое ее молодило, шла по
коридору суда, читая таблички на многочисленных дверях длинного коридора. Горел туск-
лый свет, стены коридора и двери были выкрашены грязно-зеленой краской, и поэтому было
совсем темно. Но Лиза ничего этого не замечала. Аккуратная и праздничная, она не видела
напряженной сутолоки суда, серьезных и отчаянных лиц людей, попавших в беду; не усту-
пила дорогу милиционеру, который вел арестованного. Тот отвел ее рукой в сторону, а она
ему улыбнулась.

Лиза сегодня специально встала раньше обычного, по дороге на работу заскочила в чистку и захватила розовое платье. Волновалась, когда спешила за ним, – а вдруг оно не готово. Все закончилось благополучно. Директор отпустил ее в суд: она ему выложила всю Костину историю. И два последних рубля Лиза ухнула на такси, а то в автобусе всю изотрут, а так она чистенькая явилась в суд. Веселые кудряшки били ее по плечам, на губах блуждала радостная, беззаботная улыбка. Приход в суд для нее был забавной игрой. Она даже забыла, что у нее в сумочке, взятой напрокат у подружки под розовое платье, лежит Костина повестка.

Она думала только о Глебове, точнее, о Боре, как он ее встретит и что ей скажет.

Наконец она нашла нужную табличку, остановилась, посмотрела на себя в маленькое зеркальце, взбила волосы и, волнуясь, приоткрыла дверь. В образовавшуюся щель она увидела небольшую комнату, сплошь заставленную шкафами, набитыми толстыми папками. Двое мужчин сидели за письменными столами и что-то читали. Один из них – толстый, седой, в очках, неизвестный Лизе, а второй, конечно, был Глебов. Лиза видела его в профиль – чуть длинноватый нос, худое, почти изможденное лицо. Одет он был во все темное: и костюм был темный, и рубашка, и галстук. «Какой унылый!» – подумала Лиза, она не ожидала, что Глебов так изменился; она забыла, что прошли годы. У нее немного испортилось настроение, она вошла неуверенно и поздоровалась. Толстый мужчина снял очки, с любопытством посмотрел на Лизу, явно отметив привлекательный вид, и спросил:

– Вы ко мне?

– Нет, я к товарищу... Глебову.

Глебов оторвался от своих бумаг и произнес будничным голосом:

– Добрый день, Лиза.

– Именно... Лиза, – ответила она растерянно, не готовая к такому обыкновенному приему. Она себе что-то нафантазировала, как Глебов бросится ей навстречу, как будет удивлен и рад ее приходу, а тут ничего подобного. – И ты не удивлен? – спросила Лиза обиженным голосом.

– Нет, он не удивлен, – вмешался толстый мужчина. – Он у нас избалован женским вниманием, даже появление такой очаровательной женщины, как вы, не вызовет на его мрачном челе улыбки. Кстати, меня зовут Николаем Сергеевичем Замятиным, я представитель народа, народный заседатель, у этого вечно хмурого и недовольного человека. – Толстяк встал, схватил портфель и, не произнеся больше ни слова, удалился.

Глебов молчал.

– Может быть, ты мне разрешишь хотя бы сесть? – разочарованно спросила Лиза.

– Конечно. Извини, что сразу не предложил, – сказал Глебов, не глядя на Лизу. – Чем могу служить?

– Уж сразу и служить. – Лиза села, оправила платье и положила сумочку на колени.

– Такая у меня работа, – заметил Глебов. – Про меня вспоминают, когда дело доходит до суда. – Он посмотрел на нее тяжелым, долгим взглядом.

Лиза смутилась. Почувствовала, что его глаза проглотили ее, что она заглянула в них и утонула. По коже прошел легкий озноб, ей стало холодно, и она вся сжалась.

– А я вот просто так зашла, – пролепетала она. Испугалась своего вранья и добавила: – Ну, почти... просто так. Воспользовалась случаем, чтобы тебя повидать. Правда, правда, честное слово.

– Ну ладно, говори, что такое твое «просто так».

– А ты стал злой, – огорчилась Лиза. Ее тоненькие брови полезли вверх, губы напряженно сжались. Она по-детски беспомощно спросила: – Боря, тебе неприятно меня видеть?

– Нет, отчего же?... Я рад. Мы давно не виделись. Последний раз я тебя встретил на Грузинской улице. Ты с кем-то шла, смеялась и... неплохо смотрелась.

– А сейчас? – Лиза улыбнулась.

– И сейчас неплохо. – Глебов посмотрел на Лизу.

Лиза искренне и восторженно ответила на одном дыхании:

– Это потому, что я увидела тебя!

– Не надо, Лиза, – мрачно заметил Глебов. – Давай перейдем к делу.

– Успеется «дело». – Теперь, когда она немного привыкла к Глебову, перед нею вдруг предстала вся ее юность. Остановилось дыхание, и защемило сердце, пришлось крепко прижать к груди руку, чтобы заглушить боль. Она посмотрела на Глебова более спокойно и внимательно: он ей неожиданно показался совсем молодым, как тогда в Вычегде. – А помнишь, Боря, как мы познакомились?

– Признаться, не помню.

– Не помнишь, как ты появился у нас? Как пришел на танцплощадку и заступился за меня? Ну это же была потрясающая история! Не вспомнил? Ну, ты беспамятный тип! – Лиза продолжала вдохновенно: – Как ты мог забыть?! Надо будет рассказать ее Косте – он оценит. Меня зацапал комсомольский патруль, трое парней, за то, что я была в мини, честно скажу, на пределе. – Она рассмеялась. – И танцевала стилем. Они скрутили мне руки и повели к выходу. Наши, конечно, развесили уши, никто за меня не заступился. Народ у нас дикий. Одного унижают, а другим смешно... Хохотали надо мной. Прическу сбили, куртка лопнула под мышкой, одну туфлю потеряла. Прямо хохот и обвал... со стороны. А я реву от обиды... Не вспомнил?

Глебов не поднял головы, но как-то дрогнули губы, то ли улыбнулись в ответ на рассказ, то ли скривились в усмешке. Резко встал и, стоя к Лизе спиной, начал перебирать папки. А Лиза, не замечая его странного поведения, продолжала:

– Ну и память у тебя! Дырявое корыто, извините-подвиньтесь! А еще судья! – Она уставилась в глебовскую спину и заметила, что у него мятый пиджак, лоснящиеся брюки и стоптанные туфли. – Значит, тащат меня к выходу. И вдруг!.. – Лиза сделала торжественную паузу. – У них на дороге стал ты! И так спокойно и громко заявил: «Отпустите девушку!» – Она улыбнулась: так ей нравились ее воспоминания. – Боря, ты долго будешь маячить у шкафа? – Глебов не ответил, но послушно сел на свое место, лицо его вновь стало непроницаемым. – Так вот тебе печальное продолжение... Они без слов набросились на тебя и стали бить, потом оттащили в милицию, составили протокол, что ты нарушитель спокойствия и хулиган. На работу отправили письмо, и тебе вклеили комсомольский выговор. Неужели ты и этого не помнишь?

– Смутно. Все это, Лиза, было в другой жизни. Я был другой, ты была другая. Мы были наивные, доверчивые, как дети.

– Между прочим, я тогда прождала тебя у милиции до часу. Дрожала от страха, а уйти не могла. Вот! Ты вышел, я испугалась: у тебя лицо было в крови. Рассекли тебе бровь. – Лиза посмотрела на Глебова и увидела, что у него одна бровь поперечным шрамом разделена надвое. – Надо же, – обрадовалась она, – у тебя сохранилась эта рассечина! – Она протянула руку, чтобы потрогать шрам кончиком пальца. – Точно, на левой брови. – Тоненький Лизин палец, украшенный аккуратным лиловым ногтем, с большим любопытством упорно тянулся через стол к Глебову.

Глебов отпрянул, потрогал рассечину и сказал:

– А ты фантазерка... Этот шрам у меня с детства: ударился о камень во время купания.

– Да?... – Лизин палец повисел в пространстве и ни с чем отправился восвояси, но сама Лиза не сдавалась. – Странно, а я точно помню... Ты когда вышел из милиции, я посмотрела на тебя, еще подумала: какой симпатичный парень, и запомнила: слева были следы крови. И потом! Мы же пришли ко мне домой, и баба Аня смазала тебе йодом ранку. А-а, попался?

Лиза заметила, что Глебов смутился, и переменяла тему разговора, жалея его. Она всегда всех жалела, если кто-нибудь попадал в неловкое положение.

– А как мы ехали из Вычегды на пароходике в город, тоже не помнишь?

– Угадала, – сказал Глебов. – Не помню.

В ответ на реплику Глебова Лиза рассмеялась, ей начинала нравиться их перепалка.

– Мы всю дорогу смеялись. А что там было смешного? Пароходик был маленький, а название у него какое-то быстрое... Вот забыла, черт побери!.. То ли «Стрела», то ли «Ракета», а тащился как черепаха.

– «Стремительный»! – вдруг вырвалось у Глебова.

– Да, точно, «Стремительный»! – радостно подхватила Лиза. – Я была в белом платье. Села на канат, испачкалась и разревелась. А ты стал меня утешать, строил смешные рожи. Помнишь?

– Признаться, не помню. И хватит, Лиза, ладно? – Глебов посмотрел на нее холодно и отчужденно.

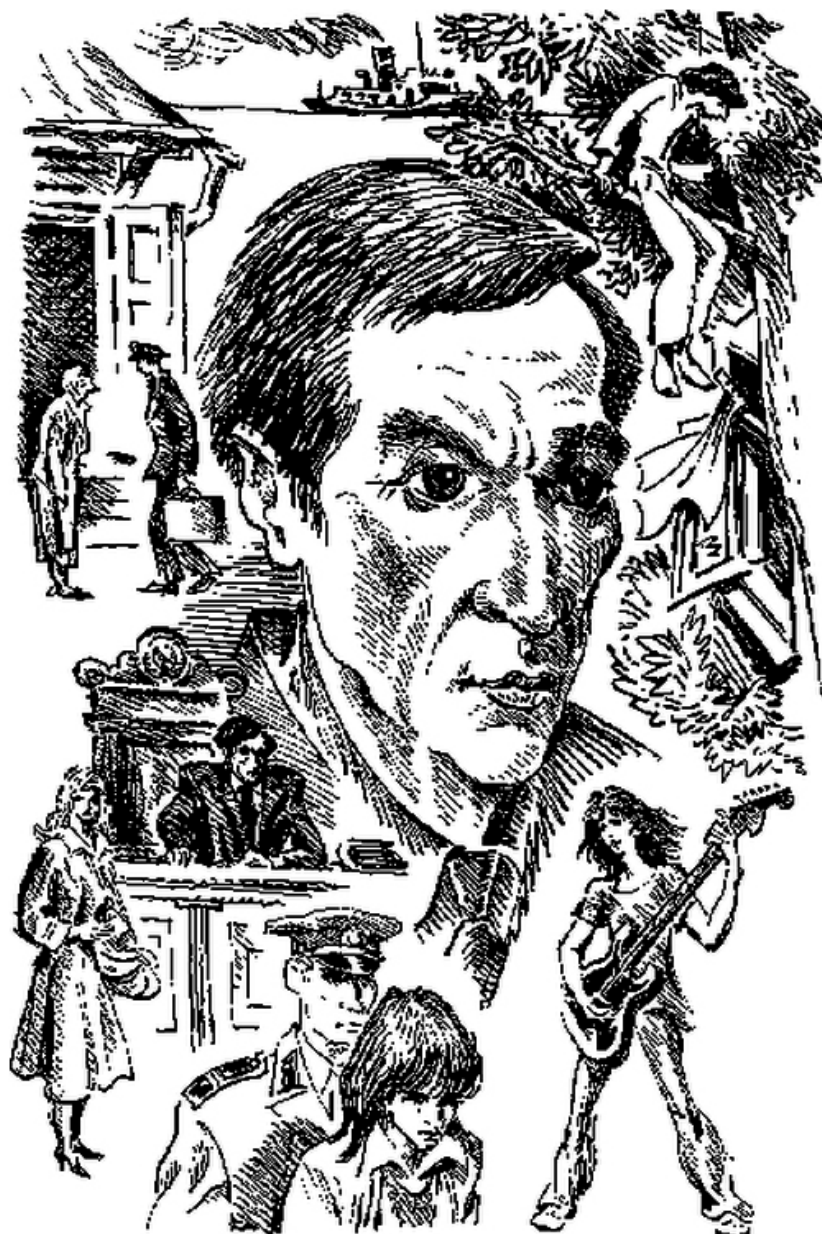
– Ладно, Боря, хватит, – согласилась Лиза; ей почему-то стало грустно. – Ты меня прости... Прости. Вспоминаю. А ты человек занятой. Ладно, поехали дальше.

– Ну и какой же он, твой сын? – неожиданно, по-деловому спросил Глебов, уперся локтями в письменный стол и посмотрел на Лизу.

– Костик? – Лиза засияла. – Ты знаешь, он умный. И очень современный. Одевается тоже современно, там брюки-бананы, куртка, из-под нее торчит рубаша. В общем, модно... Некоторым не нравится, а я воспринимаю положительно. Все просчитывает в одну минуту. Теперь дети совсем другие. Правду тебе говорю. Разве мы в их возрасте так просекали? Я, например, в сравнении с ним просто дура. «Физик» говорит: он должен идти в технический, у него, говорит: голова – компьютер. А он – ни в какую. Заканчивает девятый и одновременно музыкальное училище. Раньше не собирался никуда поступать. Поступишь – а потом в армию. Он армии боится. А теперь праздник: в армию не надо, можно сначала отучиться. Он собирается в консерваторию. У него в школе своя рок-группа. Сам сочиняет песни. Пользуется большим успехом. Ты про него, конечно, слышал. Его весь город знает. Ну, догадайся, кто он? – Лиза победно посмотрела на Глебова. – Он... Са-му-рай!

– Самурай? – искренне удивился Глебов.

– Господи! – не на шутку возмутилась Лиза. – Это же прозвище! Ну, ты отстаешь, это точно. Сидишь в своем суде, как в дремучем лесу. Забрались, закопались и сидите в берлоге. А что происходит в жизни, понятия не имеете... Есть, например, немецкая группа, называется «Чингисхан», а Костя – Самурай. И это не просто прозвище – из него складывается характер певца, вот что важно. Понял?

Глебов неуверенно кивнул головой, впервые на его губах мелькнуло что-то вроде доброжелательной улыбки.

– Самурай не будет петь лирических песенок... Там: «Се-е-ребряные сва-а-дьбы-ы...» От них его тошнит, воротит, – вдохновенно продолжала Лиза. – Он весь... в агрессии. Поет песни-протесты. Вот! Понимаешь, он в центре событий. – Она вдруг оборвала свою речь, непривычно задумалась, ее лоб пересекли несколько морщинок. – Скажу тебе, Боря, как старому знакомому: иногда он меня пугает. Живет без тормозов... – Не договорив фразы, Лиза остановилась, вид у нее стал дико-испуганный, глаза округлились в панике: нашла, кому высказывать свои сомнения. Если бы Костик услышал, вот бы понес! Она глубоко вздохнула и сказала, пытаясь спасти положение: – Между прочим, да, да... – судорожно придумывала, что бы рассказать «между прочим», и придумала: – У него фанатки есть. Вот.

– Кто? – опять не понял Глебов.

– Ну, фанатки. – Лиза снова приобрела уверенность. – Ты, кажется, ничего не знаешь и про фанаток?... Обалденно! Фанатки. Девчонки. Поклонницы Костики. Интересное зрелище, я тебе скажу. Они все одинаково одеты. На рукаве повязка, никогда не догадаешься с

чем... С его фотографией. Когда я увидела, то неосторожно хихикнула, и напрасно: они меня так презирали! Особенно одна, по прозвищу Глазастая, меня в упор не видит или насквозь прошивает, как рентгеновскими лучами. Правда, правда. Ух, девицы, им все до лампочки... – Поняла, что опять поплыла не в ту сторону, чертыхнулась и почему-то обозлилась на Глебова: – Послушай, ты, я вижу, ничего не помнишь, ничего не знаешь, ничего не слышал. На каком свете ты живешь, судья?

– На этом, – серьезно ответил Глебов. – Давай вернемся к делу.

– Пожалуйста. – Лиза полезла в сумочку за повесткой, но вместо этого вытащила конверт с фотографиями, который она всегда таскала с собой. – Сейчас я тебе кое-что покажу. Тебе будет интересно, – сказала она, протягивая Глебову фотографии. – Это Костик сейчас, в натуре. Один к одному. Он прирожденный актер, очень хорошо выходит на фото. Видишь, такой же черненький, как ты. – Глебов внимательно перебирал фотографии. – А здесь ему пять. Он тогда уже был солистом детского хора. Правда, ангелочек? И голос был ангельский, ну прямо потусторонний. Самые высокие ноты брал. До-ре-ми-фа-соль-ля-си-си-си! – пропела Лиза. – И всегда чисто. Ни одной фальшивой ноты. От рождения абсолютный слух... А здесь мы вместе.

Эту фотографию Глебов рассматривал дольше других. Наконец оторвался от нее, улыбнулся открыто, – улыбка его красила, делала незащищенным, – помолодел и сказал:

– Ты как раньше.

– Значит, все помнишь?! – обрадовалась Лиза. – Ну, Боря, Боря, слава богу, а то я так огорчилась. – Она готова была вскочить и расцеловать его.

Но Глебов снова помрачнел, вернул ей фотографию и в прежнем тоне спросил:

– А почему твой сын сам не пришел?

– Я не пустила, когда узнала, что его вызываешь ты.

– Повестку, – снова попросил Глебов.

Лиза опять вошла в сумочку, достала повестку и протянула.

– У него контрольная по химии. – Она почувствовала легкое беспокойство, глядя на Глебова с повесткой в руке. Он сразу стал незнакомым, чужим, лицо отяжелело, постарело. Лиза уже почти не узнавала его, она глупо хихикнула от страха и пошутила: – У нас без химии не запоешь.

Глебов что-то черкнул в повестке, спрятал ее в стол. Его глаза вновь пронзили Лизу.

– Больше у тебя дел ко мне нет?

– Спасибо, Боря, больше никаких дел, – пролепетала Лиза. Она встала. – Ты извини... Мы на ходу всё, на ходу. Надо встретиться, поболтать. – Вдруг сорвалась, самоутверждаясь, чтобы преодолеть смутение: – Меня машина ждет... директорская. Подбросить тебя куда-нибудь?

– Благодарю. – Глебов тоже встал, лицо его по-прежнему было непроницаемым. – А сыну передай, чтобы зашел в следующий четверг.

– Зачем? – не поняла Лиза.

– Он свидетель, – ответил Глебов. – Главный и единственный свидетель по этому делу.

– Какой он свидетель! – сказала Лиза. – Он же мальчик... – Она понимала, что погибла, что ее приход не принес Костику никакого облегчения, но продолжала защищаться: – Понимаешь, у него напряженка. – Голос ее сломался, теперь она просила Глебова робко, жалобно. – Две школы. Экзамены на носу. Тут и физика, и литература...

Книг сколько надо прочитать. И сольфеджио... И общее фортепьяно. Ну просто обалденное количество дел... Я боюсь, он просто не выдержит. Концерты... конкурс в Москве. И еще суд!

– Ничем не могу помочь, – перебил Глебов, демонстративно сел и углубился в чтение, как будто Лизы здесь уже не было.

– Ну и ну! – вдруг обозлилась она. – Тогда зачем столько ненужных слов? Можно сказать, из пушки по воробьям, как говорит мой Костик. К черту старую дружбу, к черту дурацкие воспоминания!

– При чем тут старая дружба?! – Глебов повысил голос. – Ты в суд пришла.

– Подумаешь, в суд! Почитаешь про вас в газетах – волосы дыбом встанут!

– Лиза, пойми, – сказал Глебов, – решается судьба человека, а твой Костя – главный свидетель. Я должен его допросить. Мне многое еще не ясно.

– О чем? – испугалась Лиза.

– Обо всем. В частности, я не исключаю, что твой Костя знает больше, чем говорит. Может быть, он что-то скрывает.

– Как страшно! Я теряю сознание! – рассмеялась Лиза. – Наконец тебе удастся разоблачить настоящего преступника... А я, дуреха, лезу со своими воспоминаниями... Кривые улочки Вычегды... Собор на холме... Колокольня, где мы царапали на камне: «Лиза плюс Боря...» Купание в далеких озерах... – Лиза замолчала. Ее вдруг осенило, она догадалась о причине судейской неумолимости: конечно, он не смог ей простить измены! Как она сразу не поняла! Типичный мужской характер. Все они собственники.

– Боря, значит, ты на меня все же сердишься?

Ее вопрос застал Глебова врасплох: казалось, он был удивлен.

– Я? Сержусь?... За что? За что мне сердиться на тебя, когда мы не виделись столько лет? – Он даже засмеялся.

По мере того как Глебов говорил, Лиза все более убеждалась, что ее догадка справедлива. Легкая улыбка торжествующего человека тронула ее губы. Как ни странно, ей было приятно, что он на нее сердился, – все-таки она его когда-то любила.

– Ну, я думала, ты на меня сердишься... за старое, – сказала Лиза.

– Ах, за старое, – ответил Глебов. – Конечно нет. Даже наоборот.

– Что «наоборот»? – Лиза демонстративно опустила обратно в кресло.

– Совсем не сержусь. – Глебов тоже сел. – Да и за что?

– Ну, хотя бы за то, что в одно прекрасное утро я вдруг исчезла, без всяких предупреждений, в неизвестном направлении.

– Ерунда какая-то! – неестественно бодрым голосом ответил Глебов. – Как я могу сердиться на то, что произошло чуть ли не шестнадцать лет назад.

– Значит, все же сердишься, – заметила Лиза.

– Ничуть, – возразил Глебов. – Хотя если вспомнить, то, надо признаться, меня это тогда поразило. – Он заставил себя улыбнуться. – Что-то было в этом... веселенькое, мягко говоря.

Лиза решительно перебила его:

– Никогда бы не подумала, что ты окажешься мстительным. Я же была девчонкой!.. Ну влюбилась, ну помстилось – сбежала...

– Чепуха какая-то, – опомнился Глебов и оборвал Лизу, чтобы прекратить всякие разговоры: – Прости, у меня дела... Надо дочитать...

– Взъелся на меня, – не слушая Глебова, продолжала Лиза.

– Ничего не въелся, – ответил Глебов.

– Вот видишь! – Лиза победно улыбнулась. – Кричишь! Без всякого основания. Злишься! Злишься!.. Хотя и несправедливо. Ведь я тогда тебя любила!

– Да ладно тебе... трепаться! – вдруг грубо взорвался Глебов. – Нашла что вспоминать... Детские игры. Наш поезд ушел. – И, чтобы окончательно добить Лизу, сказал: – Пойми, мы с тобой пожилые люди.

– Кто... «пожилой»?

– Я и ты.

– А я про это никогда не думала, – призналась Лиза.

– А ты бы подумала. Нам не всхлипывать надо о прошлом, а думать о Боге. Самое время, – отчеканил Глебов. – К тому же я тебя никогда не любил. Понимаешь: не любил! И хватит!

Лиза не была защищена от неожиданной грубости. Голос у нее задрожал, улыбка стерлась с губ, и она жалобно спросила:

– Совсем... не любил?

– Совсем... – Глебов заметил, что глаза Лизы наполнились слезами. «Не хватало, чтобы она здесь разревелась», – подумал он, но остался тверд и сухо произнес: – Лиза, у меня работа. Через два часа суд. Это серьезно.

– Ах, вот даже как! Совсем не любил!.. Совсем? Никогда?! – Лиза задышалась от негодования и обиды. Она не знала, чем бы ей сразить Глебова, и выпалила в отчаянии: – Не любил? А у меня... У тебя сын... Мой сын Костик... Твой! – Замолчала, наблюдая за Глебовым. Как она вовремя придумала про сына: посмотрим, каким соловьем он сейчас запоем.

Лиза демонстративно перебрала ремешок сумочки через плечо, лицо ее сияло, щеки раздурманились, глаза снова сверкали. Она стала прехорошенькой, совсем как в те молодые годы, когда Глебов ее увидел впервые.

– Ну, я пошла. – Лиза посмотрела на растерянное лицо Глебова, самодовольно хихикнула и добавила: – Тебе, по-моему, есть о чем подумать. Привет! – Хлопнула дверью и исчезла.

Глебов не побежал за Лизой, не стал догонять, чтобы объясниться. Он пребывал в забытьи, не понимая, что с ним происходит. Сначала сидел, уставившись на дверь, за которой скрылась Лиза, потом поднял глаза к потолку, глубокомысленно перебрал одну папку на другую, словно сделал важное дело, и застыл.

Эти картинки строго очерчены в его памяти и жестко окантованы. Их рамки хотя и тонки, но словно литые, такие не сломаешь. Может быть, они сколочены им из тех отполированных дубовых досок, что пролежали на чердаке у бабы Ани лет сто? Рамки очертили для картинки время. Он сам их строгал и клеил, только сюжет придумала судьба.

Молодой солдат обнимает бабу Аню, чувствует под своими пальцами ее сухую спину, проходит по позвонкам сверху вниз, снизу вверх. Обнимает, радуется ей, а сам пытается заглянуть внутрь дома, в открытую дверь, чтобы увидеть... Лизу! Но она не появляется в пустом проеме... Сердце вот-вот выскочит... Она не появляется в пустом проеме... В висках как колокольный звон: почему она не появляется в зияющей темноте дверей? Не выдерживает и спрашивает неестественно тихим голосом: «А где же Лиза?» Молчание. Потом ответ: «Нет у ее, Боря. Уехала... навсегда. Она тебя, деточка, не стоит».

Входит в дом. Садится, чтобы не рухнуть на пол. Ноги не держат. Смотрит по сторонам, ничего не различая, словно ослеп.

Рамка есть, но картинка исчезает, в ней пустота. Нет, появляется зелень сада: оранжевая клумба цветущих настурций, за нею молодая яблоня, увешанная красными яблоками, как новогодняя елка игрушками.

Новая картинка в рамке: утро, кровать, подушка. На подушке неузнаваемое, худое, белое лицо – ни кровинки. Рядом на столике – стакан чая и несколько ломтиков хлеба, намазанных медом. Кто принес? Где он? Лежит – ничего не помнит. Спросили бы: что с ним? – не ответил. Чай горячий – дымится. В окне рябина – гроздь большие, увесистые. Закрывает глаза. Жужжит оса. Садится ему на лоб. Он ее не сгоняет: не чувствует. Смотрит: оса садится на ломтик хлеба, осторожно ползет по краю, ступает лапкой на мед, увязает, лапки ее подкашиваются, тело опускается в липкую массу и затихает. Попала, как в капкан. Он тоже в капкане.

Вдруг... В детском доме гости. Стоит ор и беготня. Приезжают знакомые и родня. Он стоит в стороне один. Мимо пробегает убогий Севка, показывает ему плитку шоколада. На ее обертке красивый цветной рисунок Московского Кремля. Севка кричит, растягивая толстые неповоротливые губы: «А мне мамка вот что привезла! – Вертит перед его носом Московским Кремлем. – А у тебя мамки нету!» Показывает язык и, тяжело топая башмаками, убегает. Ночью он тихонько встает, опускается на живот и ужом ползет под кроватями через всю спальню, вытаскивает из Севкиной тумбочки шоколад. Приходит в уборную, закрывает кабинку, разрывает красивую обертку и, давясь, съедает всю плитку. Обертку рвет и спускает в унитаз. Утром Севка обнаруживает пропажу. Орет в голос, дико озирается, видит, что у него губы и подбородок в шоколаде, бросается на него, и они дерутся до крови.

Просыпается. На столике в маленьком стакане букетик: два цветка мальвы, темно-вишневые плоды шиповника, круглые ягоды ландыша. Сквозь цветы в окна пробивается солнце – их лепестки горят огоньками. Баба Аня негромко поет в соседней комнате.

Приезжает в Вычегду после училища на работу. Сначала на медленно ползущей электричке. На соседнем пути бабы вручную тянут сгнившие шпалы на обочину. Потом на стареньком автобусе. Автобус набит битком. Пассажиры перекликаются между собою. Он один чужак. Ухабы, пылица. Вырывается из автобуса усталый, злой, выволакивая свой потертый чемоданчик. Впереди него выходит женщина, в каждой руке у нее по сумке, за спиной – рюкзак. Ей навстречу бросается мальчик, маленький колобок, кричит радостно: «Мамка-а!» Обнимает ее за ногу, выше не дотягивается. Та отшвыривает его. Мальчик падает, ревет. Женщина отходит немного, ставит сумки на землю, бежит к мальчику, поднимает, целует... И тут он видит девушку. Она просветленно улыбается, скользит мимо, слегка задевает его и уплывает в неизвестную даль. Он видит ее спину в длинной синей кофте с закатанными рукавами и узкую полоску мини-юбки, едва заметной из-под кофты. Тоненькие руки девушки – она размахивает ими на ходу – кончаются ярко-красными ногтями. Толстая тетка, гроыхая пустыми ведрами, цепляется за его чемодан и чуть не падает. Ругается: «Чего зенки тарасишь, кобель проклятый?»

Когда Лиза приводит его домой и знакомит с матерью, он сразу обрастает такой лаской, будто Анна Петровна ждала его всю жизнь. Худенькая, улыбающаяся, спешащая, она постоянно ухаживает за сиротами и больными, живущими в разных концах их небольшого городка. То за Меланьей Прохоровой, что за оврагом. Она бедная, а дети выросли и оставили ее. То за детками вечно работающей Нюры Иноземцевой. Муж пьяница, нынешней зимой скатился в прорубь и замерз. А тут еще беда – Гришка Крюков сшибает на грузовике мужа и жену Богдановых, а у них трое малолеток, и у самого Гришки остается двое сирот.

Он теперь часто ходит вместе с нею, чтобы поправить у бедных и старых то крыльцо, то крышу. «И ничего от них не жди, – учит она, – не думай, что получишь в награду, думай, как самому дать...»

Поздняя весна. Цветут яблони, груши, все утопает в зарослях сирени, легкий ветерок шевелит ветки деревьев и кустов, роняя нежные розовые и белые лепестки на землю. Они устилают в саду дорожки как живые, по ним жалко ходить. Анна Петровна с утра до позднего вечера в саду. Подравнивает зеленые кусты акации и барбариса, возится с розами. Он вскапывает ей клумбы и вместе с нею сажает гладиолусы, делая круглой палкой дыры в земле, опускает туда клубни; высевает астры, ноготки и неизвестные ему цветы – тоненьким ручейком сыплет их в бороздки. «У тебя они взойдут, – говорит Анна Петровна. – Ты улыбаешься, когда их сажаешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.